

В. Д. ЛЕСЕВ

ГЕРОИ — РЯДОМ

В. Д. ЛЕСЕВ

ГЕРОИ- РЯДОМ

Издательство «Эльбрус»
Нальчик · 1985

ББК 63.3(2)722

9(с)27

Л 501

В очерках рассказывается о боевом пути 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии и о судьбах ее воинов — уроженцев Кабардино-Балкарии, среди которых был и автор этой книги.

Л 0505030202-014 10-85
М 125(03)-85

© Издательство «Эльбрус», 1985 г.

ОТ АВТОРА

Немало славных страниц в летопись Великой Отечественной войны 1941—1945 годов вписали сыны и дочери Кабардино-Балкарии. Десяткам тысяч наших земляков довелось сражаться на суше, на море и в небе всех фронтов минувшей войны. О тех, кто прославил свои имена в борьбе с гитлеровцами, написаны книги, сложены песни, о них рассказывается в многотомном издании «Боевая слава Кабардино-Балкарии».

Свой вклад в общее дело разгрома немецко-фашистских захватчиков внесли не только отдельные бойцы и командиры, но и целые воинские соединения, подавляющее большинство личного состава которых составляли выходцы из нашей республики. Примером тому служат боевые действия 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской и 175-й стрелковой дивизий.

Менее известен широкому кругу читателей боевой путь 317-й стрелковой дивизии, в полках и подразделениях которой служило и сражалось около тысячи наших земляков, прибывших на пополнение в августе 1942 года. Личному составу соединения довелось держать оборону на стыке Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, освобождать территорию нашей республики от немецко-фашистских захватчиков, изгонять их из пределов Северного Кавказа, быть врага на Украине, в Венгрии, Австрии и Чехословакии.

Славный боевой путь дивизии пролег от Кургских высот Терского хребта до Будапешта и Австрийских

Альп, ве воины участвовали в разгроме милитаристской Японии.

...Прошли годы. На местах боев, на Курских рубежах, где в сорок втором году в период битвы за Кавказ героически сражались воины дивизии, часто бывают учащиеся Верхнекурпской средней школы № 1. Под руководством неутомимого энтузиаста поисковой работы, пионервожатой Лели Эльдаровны Ашижевой юные следопыты собрали здесь немало ярких свидетельств минувших сражений. При их активном участии поднялись памятные обелиски тем, кто ушел в бессмертие, сражаясь на этих рубежах. Кропотливым трудом ребят создан Музей боевой и трудовой славы села. Прошли встречи ветеранов дивизии в Верхнем Курпе. В знак вечной и неугасимой памяти о воинах 317-й благодарные жители одну из улиц своего села назвали улицей имени 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии. Свято и бережно хранит подрастающее поколение, выросшее под мирным небом, память о подвиге защитников Родины в годы минувшей войны.

На одной из встреч я пообещал ребятам собрать материалы и рассказать о грозных событиях осени сорок второго года на Курских рубежах. Большую помощь в этом мне оказал ветеран дивизии Владимир Габзаевич Дзакгов, который многие годы работал в Архиве Министерства обороны СССР, по крупицам собирая свидетельства героизма и мужества воинов дивизии, он любезно познакомил меня с этими интересными материалами. Пользуясь случаем, выражая ему глубокую благодарность за это.

«Герои — рядом» — книга о боевом пути 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии и о судьбах ветеранов дивизии из Кабардино-Балкарии.

НА КУРПСКИХ РУБЕЖАХ

Второе рождение

Шло лето грозного сорок второго года. Все тревожнее становились сводки Совинформбюро. Все ближе к Нальчику подходил фронт. Каждый из нас знал, что близок час, когда придется стать в ряды защитников Родины. Но никто из призывников тогда и предполагать не мог, что служить нам придется в 317-й стрелковой дивизии и боевое крещение принять совсем недалеко от родных мест.

«...Служба моя в 317-й стрелковой дивизии,— вспоминает Никифор Гаврилович Малышко,— продолжалась с момента ее переформирования и до февраля 1945 года. 3 августа 1942 года из кисловодского госпиталя нас, пять офицеров, направили в Нальчик, где в то время находилось Управление кадров Северо-Кавказского фронта. Там мы получили штат и указание на формирование 317-й стрелковой дивизии. Там прибывший вместе с нами полковник Н. А. Шварев получил назначение на должность командира дивизии. Но обстановка на фронте не позволила начать формирование дивизии в Нальчике, как это предполагалось штабом. Сначала нас направили в Грозный, где за неделю мы приняли свыше тысячи человек на пополнение... Окончательным местом

формирования стал Дагестан. А так как призывники в близлежащих районах были приписаны к 317-й стрелковой дивизии, то пополнение в дивизию стекалось из всех автономных республик Северного Кавказа, Ставропольского и Краснодарского краев...»

Мне не удалось подсчитать, сколько групп из Прохладненского, Майского и Урванского районов было направлено по железной дороге. Архивы этих сведений не сохранили. Что касается нальчан, то большинство из них получило повестки военкомата на 9 августа. В этот день двор военкомата не мог вместить всех призывников. Но оформление шло четко. Каждый сдавал повестку и паспорт, вносился в список, запоминал номер взвода и ждал команды на построение. Наконец она прозвучала. Нас, более 800 призывников, предупредили о порядке движения, сообщили, что в течение ближайших суток мы отправимся в воинскую часть...

Так призывники из Кабардино-Балкарии стали бойцами 571-го, 761-го, 606-го стрелковых и 773-го артиллерийского полков, 277-го истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона и других подразделений 317-й стрелковой дивизии и сразу же приступили к боевой учебе.

14 сентября 1942 года в торжественной обстановке молодые воины дивизии приняли присягу на верность социалистической Родине. Работники политотдела, командный состав и ветераны дивизии выступали перед бойцами, рассказывали о чрезвычайно сложной обстановке на южном крыле советско-германского фронта, выражали твердую уверенность в том, что, если придется выступить в ближайшие дни на фронт, то возродившаяся 317-я стрелковая дивизия, верная боевым традициям, будет упорно защищать каждый метр советской земли. Во всех подразделениях зачитывалось обращение Коммунисти-

ческой партии и Советского правительства к воинам и народам Кавказа, опубликованное в «Правде».

«Сейчас внимание нашего народа,— говорилось в нем,— народов всего мира обращено к Северному Кавказу. Грозовые тучи нависли над его снежными горами и предгорьями, над ущельями и долинами... Дым пожарищ вздымается над станицами и аулами.

Гитлеровские разбойники ворвались на просторы Северного Кавказа. Они рвутся к горам. Враг не знает, что Кавказ был всегда страной сильных и смелых народов, что здесь в борьбе за независимость народы рождали бесстрашных борцов, джигитов, что трусость слыла всегда здесь самым позорным преступлением.

Здесь, у подножия гор, воспитались поколения советских людей с львиным сердцем, с орлиными очами. Никогда не станут рабами гордые народы Северного Кавказа!»

Вскоре полковник Н. А. Шварев докладывал, что 317-я стрелковая дивизия в основном завершила переформирование и боевую выучку нового пополнения и готова к выполнению заданий командования.

Большая часть личного состава дивизии была укомплектована молодежью до 25 лет. Пополнение пришло с хорошим общеобразовательным уровнем. Настроение молодежи боевое. По национальному составу бойцы дивизии представляли многие народы нашей многонациональной страны. Но свыше 80 процентов ее составляли русские и украинцы. Партийная организация дивизии насчитывала 575 членов ВКП(б) и 284 кандидата в члены ВКП(б), комсомольская — 1957 человек.

29 сентября 1942 года в соответствии с указанием Ставки Верховного Главнокомандования 317-я стрелковая дивизия выводилась на Грозненский обвод и входила в бой на стыке границ трех братских автономных республик: Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и

Н. А. Шварев

Чечено-Ингушетии. Здесь, на Курских рубежах, прошло боевое крещение наших земляков. Отсюда начала свой путь наступления 317-я стрелковая дивизия...

«Я очень сожалею,— писала из Днепропетровска Валентина Ивановна Шварева,— что мне не довелось принять участия во встрече ветеранов 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии в Верхнем Курпе. Для меня и для всей нашей семьи священна та земля, где насмерть стояли воины нашей дивизии, откуда началось изгнание немецко-фашистских захватчиков с территории Кабардино-Балкарии и со всего Северного Кавказа. Священная потому, что там я приняла боевое крещение и дивизию вел в бой мой муж Николай Александрович Шварев. Ветеранам дивизии хорошо известно его имя. С радостью узнала о том, как бережно хранит память о героическом прошлом нынешнее поколение молодежи. Поэтому высыпаю для музея Верхнекурпской средней школы некоторые материалы о командире 317-й стрелковой дивизии из нашего семейного архива...»

Полковник Николай Александрович Шварев, командая 355-м полком 100-й стрелковой дивизии, участвовал в войне с Финляндией и был удостоен ордена Красного Знамени. А с июня 1941 года он сражался с гитлеровцами на земле Белоруссии. Под командованием Шварева воины 355-го полка геройски бились с превосходящими силами врага, уничтожая его технику и живую силу. За

мужество, проявленное в тех боях, Николай Александрович был награжден орденом Красного Знамени, а его полк — орденом Ленина.

Потом Шварев участвовал в жестоких боях под Ельней в Смоленской области, где советские войска нанесли мощный удар по гитлеровцам, сдерживая их наступление в направлении Москвы. Здесь он был тяжело ранен и надолго попал в госпиталь.

Выписавшись из кисловодского госпиталя, Шварев прибыл в Управление кадров Северо-Кавказского фронта, которое с конца июля 1942 года временно размещалось в Нальчике, и получил назначение — принять под свою команду 317-ю стрелковую дивизию, которая проходила второе формирование...

В тот же день Шварев познакомился с группой командиров и политработников, получивших назначение в 317-ю стрелковую дивизию. Обрадовался Никифору Гавриловичу Малышко. С ним познакомился еще в госпитале. Привлекала в нем трезвая оценка событий, в которых довелось самому участвовать, рассудительность и военная пунктуальность. В Нальчике же состоялось знакомство с назначенным в дивизию начальником политотдела Дожи Цыремпилоном.

Пока шло пополнение, пока поступало вооружение и снаряжение и велась боевая учеба, пришел приказ Ставки Верховного Главнокомандования: на 317-ю дивизию совместно с дивизией НКВД возлагалась непосредственная оборона города Грозного.

4 октября дивизия выгрузилась на станциях Беслан, Далеково, Консервной и сосредоточилась в районе сел. Заманкул, Старый Батакоюрт, Сагопши, войдя в оперативное подчинение 11-го гвардейского стрелкового корпуса 9-й армии. Противник еще не отказался от стремления прорваться к Орджоникидзе и Грозному. Дивизии ставилась задача: остановить наступление вра-

га и не допустить его к высоте Заманкул (926,4) и населенному пункту Заманкул. Овладение высотой 926,4 обеспечивало бы ему контроль над Алханчуртской долиной и выход к Орджоникидзе с востока.

С первых же дней боев на передний край обрушился поток гитлеровской пропаганды. Самолеты сбрасывали листовки, в которых с наглостью объявлялось, что полковник Шварев привел на передовую «детский сад».

В такой обстановке 6 октября 1942 года был отдан командиром дивизии приказ: «Товарищи красноармейцы и политработники! Части нашей дивизии в тяжелый и грозный для Родины час вышли на передовую линию. Захлебываясь в своей черной крови, враг рвется к Грозному и Орджоникидзе. Его алчный взор обращен на цветущие поля Северной Осетии. Он вводит в бой все новые и новые силы. Он готовится еще к одному прыжку. Бои с озверелым врагом приобретают все более и более тяжелый характер.

Однако нерушимая стойкость и самоотверженность, храбрость и готовность к самопожертвованию во имя победы десятков и сотен тысяч красных воинов разбивают в прах вражеские потуги. Смело действуют части 9-й армии, 11-го гвардейского корпуса и других соединений.

Бойцы из Грозного и из Северной Осетии! Вашим родным угрожает враг. Ваши дома он превратит в пепел. Над вашими материами, женами, сестрами и невестами он готов надругаться. Ваши родные поля хочет он вытоптать и залить кровью, слезами ваших родных и близких. Бойцы всей дивизии! Родине нашей, свободе нашей, счастью будущих поколений грозит озверелый враг. Ни шагу назад! Будем насмерть стоять на вверенных нам рубежах! Отобьем ненавистного нам врага, превратим предгорья Кавказа в могилу немецких оккупантов!»

К концу октября, сменив в первом эшелоне брига-

ды 3-го стрелкового корпуса, 317-я стрелковая дивизия заняла оборону в районе Илларионовка, Заманкул, Кусово, Верхний Курп, Сагопши, Малгобек. На этих рубежах мужали и набирались боевого опыта молодые воины. Здесь испытали они горечь первых утрат и радость первых побед. Здесь не раз спасались бегством от них хвастливые захватчики. Отсюда 317-я дивизия начала свое победное наступление. И вел ее в бой храбрый и умелый командир, которому впоследствии суждено было стать генералом, командиром корпуса, кавалером орденов Ленина, четырех орденов Красного Знамени, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского, Отечественной войны I степени, многих медалей.

Участвовал генерал Н. А. Шварев в Новороссийской операции и в высадке Эльтигенского десанта, освобождал крупные города и крохотные хутора. Но на его командирской карте особняком стоит Верхний Курп. С освобождения этого кабардинского села начался победный путь частей и соединений, которые привел он в поверженный Берлин.

Первый бой

Николай Петрович Донченко из Прохладного армейскую службу начинал в авиадесантном училище, но по состоянию здоровья был отчислен и направлен для продолжения ее в 317-ю стрелковую дивизию.

— Зачислили меня рядовым 3-го взвода 4-й роты 606-го стрелкового полка,— рассказывал он на встрече ветеранов в Верхнем Курпе.— Было это в Грозном, числа 20 августа. Вскоре нас погрузили в эшелон и отправили в район Махачкалы. Там я и встретился со своими земляками из Прохладного Иваном Бирюком, Сергеем

Н. П. Донченко

Кулюкиным, Алексеем Кулаком, Михаилом Головко, Георгием Кабановым, Петром Марьяшом и многими другими. Все они служили в нашем полку, а некоторые даже в нашей роте...

Немало теплых слов сказано было Донченко о командире их роты лейтенанте Волкове и политруке Наливайко. О том, что еще в период боевой учебы ему не раз доводилось выполнять задания политрука, а потом и обязанности помощника политрука.

6 октября 1942 года 606-й стрелковый полк в первом эшелоне сменил подразделения 8-й гвардейской стрелковой бригады в районе насе-

ленного пункта Заманкул и господствующей высоты 926,4 м (горы Заманкул). С этой высоты наблюдался и контролировался огнем большой участок обороны противника и пути подвоза живой силы и боеприпасов, подхода техники в район Эльхотово. Естественно, участок обороны, который поручался 317-й стрелковой дивизии, играл важную роль по прикрытию всей Алханчуртской долины на дальних подступах к Грозному.

Два других полка дивизии находились во втором эшелоне и выполняли задачи по прикрытию наиболее важных объектов в полосе обороны 9-й армии.

По оперативной сводке за 6 октября передний край обороны 606-го полка проходил северо-восточнее высоты 463,0 и в одном километре южнее высоты Безы-

мянной, за которой начинался сад селения Илларионовка. Сведения о противнике были противоречивыми. Учитывая это, командование решило уточнить обстановку. В ночь на 10 октября в тыл противника была направлена группа разведчиков, которая успешно выполнила задание. Разведчикам удалось взять «языка». Им оказался унтер-офицер 666-го пехотного полка противника. В операции по захвату «языка» отличились разведчики-коммунисты Платицын и Обрезков, комсомолец Жиров. Первыми в дивизии все они были за эту операцию награждены боевыми медалями.

Как выяснилось из допроса унтер-офицера, перед фронтом 606-го стрелкового полка оборонялись подразделения 666-го и 667-го пехотных полков 370-й пехотной дивизии противника. Узлы сопротивления находились: первый в двух километрах северо-восточнее высоты Безымянной, второй — на высоте 463,0 и третий на высоте 396,8.

Полученные сведения требовали овладеть промежуточными высотами и заставить противника оттянуть вглубь узлы обороны. Иначе враг не позволил бы нашим батальонам прочно удерживать занятый рубеж. Об этом свидетельствует и оперативная сводка от 11 октября: «В течение дня противник из района фруктового сада в 3 километрах северо-восточнее Илларионовки силой до роты предпринял наступление на 8-ю стрелковую роту 3-го батальона 606-го стрелкового полка. Вражеским солдатам удалось продвинуться на 500 метров. Только благодаря своевременно открытому ружейно-пулеметному огню и обстрелу вражеских позиций минометным огнем, продвижение врага было остановлено».

Для улучшения обороны полка решено было подготовить первую наступательную операцию и овладеть двумя высотами северо-восточнее Илларионовки.

Для выполнения боевой задачи выделялось два ба-

тальона 606-го стрелкового полка. Артиллерийское обеспечение операции возлагалось на два дивизиона 773-го артполка и на дивизион реактивных минометов («катюш»).

— Земля вздрогнула от залпа «катюш», — вспоминал Николай Петрович Донченко. — Большинство из нас впервые наблюдало так близко этот залп. По сигналу зеленой ракеты поднялся наш 2-й батальон в атаку. Требовалось преодолеть пятьсот метров, чтобы подойти к высоте Безымянной. Наверное, противник не смог быстро спомниться от артиллерийского налета, потому что мы почти все добежали до намеченного рубежа, не испытывая встречного огня противника. Или так мне показалось. Все-таки первое напряжение было очень велико...

Оценка командира дивизии полковника Н. А. Шварева: «Отличная подготовка к бою проведена в 4-й стрелковой роте. Командир роты лейтенант Волков и политрук Наливайко, зная и хорошо изучив боевую задачу, умело довели ее до каждого бойца и командира. Своевременный и решительный бросок роты ошеломил противника. 4-я рота с наименьшими потерями достигла высоты Безымянной и к концу дня 15 октября сумела не только выполнить задачу по ее захвату, но и окопаться на этой высоте».

В этом бою отличились наши земляки бойцы 4-й роты Алексей Кулак, Сергей Кулькин, Иван Суриков, пулеметчик Василий Негрей, бойцы роты ПТР Иван Плис и Петр Тменов, политрук Магомед Эльчепаров и многие другие бойцы.

Гораздо сложнее проходило наступление первого батальона. Нашей артиллерией не удалось подавить огневые точки противника в полосе наступления батальона. Поэтому, встретив сильный автоматно-пулеметный огонь

врага, батальон отклонился от основного направления, потерял время и инициативу. Только во второй половине дня, неся потери, батальону удалось продвинуться на 200—400 метров и окопаться. На второй день частью сил батальон достиг отметки 463,0, но был контратакован превосходящими силами противника и высотой овладеть не смог.

Из оперативной сводки от 17 октября 1942 года: «Противник вел артиллерийский и минометный огонь по боевым порядкам 606-го стрелкового полка. В районе северо-восточнее ската высоты Безымянной в одном километре восточнее высоты 463,0 группа автоматчиков со станковым пулеметом контролирует дорогу и овраг, ведущие в расположение 1-го батальона полка. 2-й батальон закрепился на достигнутом рубеже, приводил в порядок оборону и вел разведку перед фронтом полка, одной ротой наступал по дороге на Илларионовку и овладел высотой Безымянной в 3 км восточнее Илларионовки».

— Противник несколько раз переходил в атаку, чтобы выбить нас с занятых рубежей,— рассказывал Николай Петрович Донченко.— Упорные бои шли до 19 октября, но так и не удалось нас потеснить. Окрыленные первым успехом, мои боевые друзья отважно сражались. Труднее приходилось нашим соседям — первому батальону. Один день они воевали в окружении. Но выстояли. Прошли годы, а тот первый бой по-особому врезался в память. Ведь тогда каждый из нас впервые смотрел смерти в глаза. Радостно сознавать, что мои юные друзья с честью вышли из этого труднейшего испытания.

Враг не прошел

На основании боевого приказа командира дивизии 25 октября 1942 года 761-й стрелковый полк совершил марш и к исходу дня сосредоточился северо-западнее сел. Заманкул. Полку предстояло сменить батальоны 606-го стрелкового полка. К утру 28 октября 606-й стрелковый полк в первом эшелоне сменял 60-ю стрелковую бригаду и занимал рубеж: сел. Яндиево, высота 473,0 (против Верхнего Курпа). А 571-й стрелковый полк, сменяя 57-ю бригаду, выводился на северо-западную окраину сел. Сагопши, Кескем, высоту 427,8.

В ночь с 25 на 26 октября смена полков прошла организованно, а в последующие дни 606-й и 571-й полки заняли свои рубежи и приступили к совершенствованию обороны. Таким образом, к концу октября 317-я стрелковая дивизия заняла довольно протяженный участок обороны от Заманкула до Малгобека на территории трех братских республик.

Именно в эти дни противник осуществил ряд операций. И хотя по масштабам они были несопоставимы, но по времени совпали. Действительно, удар по соединениям 37-й армии, взятие гитлеровскими войсками Нальчика и наступление через Чиколу на Орджоникидзе совпали с попыткой прорвать оборону 761-го стрелкового полка и захватить высоту Заманкул.

В ночь на 26 октября группа автоматчиков противника просочилась настыке 7-й и 8-й рот 3-го батальона и, используя пересеченную местность и лесистые склоны гор, вышла на фланг и в тыл этих рот. В 8.00 27 октября при поддержке артиллерийского огня противник силой до батальона пехоты предпринял наступление на 7-ю роту с фронта, а автоматчики с тыла. Несмотря на то, что командир роты лейтенант Гаджиев выбыл из строя,

рота сумела отразить первый удар. Но слишком неравными были силы.

В результате второй атаки рота вынуждена была отойти с высоты Безымянной. В 10.30 командир полка направил из резерва стрелковую роту и роту автоматчиков. Они с ходу атаковали противника, продвинулись на пятьсот метров, но восстановить исходное положение не смогли. Памятен день 26 октября для Александра Леонтьевича Григорова, учителя средней школы станции Подкумок. Он служил в роте автоматчиков и, как сам пишет, «в боях участвовал всего один день». Отражая вражескую атаку, получил тяжелое ранение, лишился руки и стал инвалидом войны в неполные 18 лет. В тех боях выбыли по ранению нальчакие Владимир Андреевич Усков и Николай Васильевич Титов, впоследствии кавалеры ордена Красной Звезды.

— Вместе со мной, — вспоминал Иван Ильич Лопатинский, — в одном взводе служило немало наших земляков. По-моему, в каждом батальоне 761-го стрелкового полка были ребята из Нальчика. Хорошо помню Виктора Ирликова, Иосифа Зубкова, Петра Лаптева и Сергея Фурманова. Последний был из коренных нальчан. К нам он эвакуировался из Орши. Фурманов геройски погиб в бою: чтобы не попасть в плен к врагу, подорвал себя гранатой...

В. А. Усков

Раненый Лопатинский, Лаптев и Ирликов в те дни попали во вражеский плен. Им пришлось испытать на себе все муки гитлеровских лагерей смерти. Лопатинскому вскоре удалось бежать из плена, а Ирликов оказался во Франции...

Почти через сорок два года после тех событий встретился я с Виктором Петровичем Ирликовым. Добрая слава идет о нем, как о ветеране рижского завода «Компрессор». За самоотверженный труд награжден он орденами Трудовой Славы II и III степени. Виктор Петрович очень волновался, когда рассказывал о событиях военной поры.

...Как же развивались события дальше? 28 октября 1942 года рота автоматчиков и 7-я стрелковая рота предприняли еще одну попытку потеснить противника. Тогда в район высоты Безымянной враг подтянул до батальона пехоты и нанес ответный удар, в результате которого многие бойцы погибли или были ранены.

К вечеру в двух ротах осталось всего 46 человек. Паники не было, батальон сохранял боеспособность, и враг не смог пробиться через его боевые порядки.

29 октября противник сменил направление атаки. Удар был нанесен на участке 2-го батальона. Местами фашистские автоматчики ворвались в наши окопы. Завязались рукопашные схватки. Но, несмотря на все, противнику и в этот день не удалось прорваться к горе Заманкул. В тех боях погибли нальчане Борис Цомаев, Николай Иллазаров и другие.

Во втором батальоне 761-го стрелкового полка рядовым служил Игорь Усатов.

— Самое острое чувство той поры — первая потеря, — вспоминал он при встрече.— Виктор Компанеец, которого я считал самым храбрым, погиб первым. Во время вражеского артналета осколок попал ему прямо в висок...

Позже служил Игорь Усатов в другой части и прошел в ней фронтовыми дорогами до города Оломоуц в Чехословакии. После войны учился, стал радиоинженером. В настоящее время Игорь Александрович Усатов живет и трудится в Рязани. Вместе с ним в третьей роте служил и воевал Анатолий Николаевич Бондаренко...

Оперативная сводка за 30 октября 1942 года:

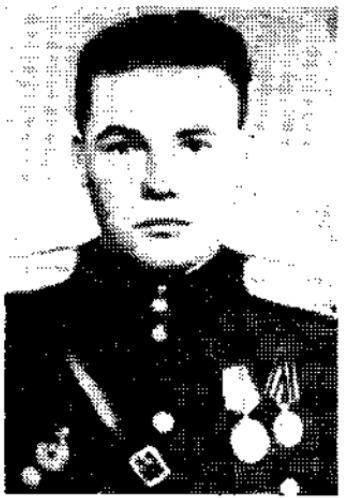
«Противник предпринял в 10.00 наступление на оборону 2-го батальона 761-го стрелкового полка. В районе обороны 5-й стрелковой роты бой длился около часа. В результате боя противник понес потери и был отброшен. Наши потери: убит — 1 красноармеец, ранено — 4. Тяжело ранен инженер полка ст. лейтенант Белоконь, легко ранен командир полка Пономарев...»

С 31 октября 1942 года на участке обороны 761-го стрелкового полка противник активных действий не предпринимал. Воины 317-й дивизии не пропустили врага к Заманкулу.

Разведка боем

От небольшого осетинского села Кусово на северо-восток прятнулась широкая лощина. Слева ее прикрывает невысокое нагорье, поросшее мелким кустарником, справа — отроги Терского хребта. А дальше впереди кажется, будто кто-то перегородил лощину высотками, одна из которых господствует над окрестностью. Рядом глубокий непроходимый овраг. За ним — Верхний Курп. Если держать в руках высоты и иметь небольшое охранение за оврагом, то лучшей позиции для обороны придумать нельзя.

До начала ноября сорок второго года в районе высот обронялась 19-я стрелковая бригада, которую в ночь со 2-го на 3 ноября сменяли батальоны 317-й дивизии.

И. Я. Ларин

В те дни в первом батальоне 606-го стрелкового полка, который сменил 19-ю бригаду, несло службу немало майчан. В их числе были: Филипп Блохин, Петр Головчанский, Сергей Зозуля, Иван Клевцов, Иван Ларин, Дмитрий Мироненко, Анатолий Наливайко, Павел Парfenов и многие другие.

— Первые дни,— вспоминал спустя годы Иван Яковлевич Ларин,— мы оказывались в кукурузном поле и совершенствовали свою оборону. Противник изредка нас обстреливал из минометов, но серьезных шагов к наступлению не предпринимал.

В одну из ноябрьских ночей

их первый взвод остался в боевом охранении и получил задачу разведать подступы к высоте 473,0. Возглавлял ночной поиск помощник начальника штаба батальона лейтенант Колбасин. Впервые молодые бойцы участвовали в разведке. Самой неприятной частью пути явился переход по кукурузному полю. Листья кукурузы уже высохли и от малейшего прикосновения издавали такой шум, который, казалось, слышен был в Верхнем Курле. Иван Ларин шел за лейтенантом, стараясь повторять все его движения и замирал, как только лейтенант поднимал руку. Сказывалось нервное напряжение. Кровь стучала в висках, пот заливал глаза. Казалось, что кукурузному полю нет конца и движутся они бесконечно долго.

Но вдруг поле кончилось. У его края не было ни окопов, ни проволочных заграждений. Все залегли. Вперед

двинулись двое саперов, которые должны были проверить, нет ли на подступах к высоте минного поля. Саперы долго исследовали полосу перед высотой, но мин не обнаружили. Захватчики, видимо, рассчитывали на то, что с этой стороны им не грозит опасность, поэтому не стали минировать выходов в сторону нашей обороны. Это уже было важным открытием. Теперь предстояло разведать наличие укрытий на склонах высоты для накопления личного состава, которому придется штурмовать высоту. Но, как только разведчики растянулись цепочкой и начали подниматься по склону, на вершине раздался выстрел ракетницы и в воздухе повисла осветительная ракета. Это было так неожиданно, что все вжалась в землю и лежали до тех пор, пока не погасла ракета. Только лейтенант Колбасин внимательно наблюдал за склоном. Ракета высветила те места, которые могли сыграть немалую роль при штурме высоты. Наконец, определились два вполне удобных углубления, которые находились в мертвой непротреливаемой зоне и где вполне можно было укрыть не менее взвода бойцов...

На рассвете 5 ноября 1942 года, после небольшого артиллерийского налета, первый батальон 606-го стрелкового полка был поднят в атаку. Цепи батальона достигли склонов высоты и устремились вверх. Но вскоре противник, быстро оценив обстановку, по глубоким

Д. П. Мираненко

П. И. Парфенов

нить состояние вражеской обороны и главные ее узлы. Батальон отошел на исходные рубежи. В том бою Павел Парфенов получил тяжелое ранение и из дивизии выбыл в госпиталь. Был ранен также Иван Клевцов, но в госпиталь ехать отказался, вскоре из дивизионного медсанбата снова вернулся в строй. А их земляк, Иван Ларин, за смелые и решительные действия и проявленное при этом мужество был награжден медалью «За отвагу».

Как же сложились судьбы некоторых участников этого боя?

Дмитрий Петрович Мироненко во взводе разведки дошел до Татарки (недалеко от Ставрополя). Там был ранен и из госпиталя получил назначение в 23-ю кавалерийскую дивизию, которая дислоцировалась в Иране. После демобилизации многие годы работает на Нальчикской швейной фирме мастером раскройного цеха.

ходам сообщения перебросил автоматчиков и пулеметчиков на наиболее опасные участки и заставил наших бойцов замечь. Тогда командир батальона приказал взводу разведки совершить маневр: передвинуться по склону, ударить с фланга, отвлечь на себя внимание противника и тем самым помочь отвести главные силы батальона.

Дерзко действовали разведчики в том бою. Многим удалось даже пробиться во вражескую траншею первой полосы обороны противника. Разведка боем помогла выяс-

Его труд получил высокую оценку. Д. П. Мироненко трижды награждался знаками «Победитель социалистического соревнования». За большие заслуги в годы мира награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Павел Иванович Парфенов попал в эвакогоспиталь, лечился в стационарных госпиталях Махачкалы и Баку. После излечения сначала получил назначение в 21-й танковый полк, а позже в 189-й отдельный танковый полк 2-го гвардейского кавалерийского корпуса.

О его ратных подвигах можно судить по боевым наградам. Далеко не каждый солдат удостоен трех орденов: Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Славы III степени и медали «За отвагу». Работает П. И. Парфенов в Майском зверосовхозе.

На Курских рубежах в ожесточенных боях мужала юность. Для некоторых здесь началась и оборвалась военная биография. Смертью храбрых пали в тех сражениях бойцы 606-го стрелкового полка братья Бетал и Ильяс Татаркановы.

В самом центре Котляревской труженики ордена Трудового Красного Знамени колхоза «Красная нива» воздвигли не вернувшимся с войны станичникам памятник. На мраморных его плитах десятки фамилий односельчан. В их числе Ф. В. Блохин, Н. Н. Борисенко, С. Я. Бурлаков и П. Я. Чурсинов, которые храбро сражались в составе 606-го стрелкового полка и отдали свои молодые жизни за нашу Победу.

До табакосовхоза на Кубани дошел в первом батальоне кавалер ордена Красной Звезды Иван Константинович Клевцов, где выбыл из дивизии по ранению.

Дальше всех фронтовыми дорогами прошел в 317-й стрелковой дивизии Иван Яковлевич Ларин. Ему хорошо памятны бои за Тихорецк, трудные дни наступления в Приазовских плавнях, окружение в районе хутора Сви-

стельникова, где погиб его земляк Филипп Блохин, прорыв «Голубой линии» и освобождение Таманского полуострова. Когда дивизию перебросили на Украину и враг был отброшен за Житомир и Бердичев, вместе с группой молодых воинов был направлен он в Первое Ульяновское бронетанковое училище. На 1-й Белорусский фронт вернулся в составе 4-го тяжелого танкового полка Первой Польской армии. За форсирование Одера награжден орденом Красной Звезды. Более двадцати лет трудится Иван Яковлевич Ларин в автоколонне 1437 в городе Нальчике.

Таковы судьбы некоторых участников разведки боем под Верхним Курпом.

Такое не забывается

Недалеко от родных мест шел в первый бой политрук роты 761-го стрелкового полка 317-й дивизии Владимир Габзаевич Дзакгоев. Было это в октябре сорок второго года под Илларионовкой.

Спустя тридцать шесть лет после событий, разыгравшихся в том районе, встретились мы с ним на Курских высотах.

Несмотря на перенесенные в годы войны тяжелые ранения, несмотря на частичную потерю зрения и убеленную сединой голову, Владимир Габзаевич не утратил юношеской порывистости, хорошо сохранил армейскую выправку и на встречу приехал с горячим желанием пешком пройти по местам, где насмерть стояли боевые друзья, прикрывая подступы к его родной Северной Осетии.

Трудными дорогами войны довелось ему пройти к Победе. Его ратный путь отмечен орденами Отечественной войны I и II степени и Красной Звезды. Но первые

бои так запали в душу, что забыть о них он уже не может. Об одном из эпизодов и узнал я при встрече.

— Видимо потому, что полк наш по своему составу был самым «юным», — рассказывал Владимир Габзаевич, — командование держало нас во втором эшелоне. Впереди стоял 606-й стрелковый полк. Потом мы смешили этот полк и вышли на передний край. Именно в те дни фашистское командование развернуло наступление на нальчикском направлении и войска врага ворвались в Нальчик. Немецкая пропаганда обрушила на наш передний край поток хвастливой информации об успешном наступлении. Все чаще наши позиции подвергались артиллерийско-минометному обстрелу. То на одном, то на другом участке вражеские автоматчики делали вылазки. Нам довелось испытать немало горьких минут, когда враг попытался прорвать нашу оборону. Но молодые воины выстояли и не пропустили вражеские полчища на этом участке фронта...

В первых числах ноября 1942 года на участке обороны 761-го стрелкового полка противник активных действий не предпринимал. Наблюдалась лишь интенсивная переброска войск в район наступления под Орджоникидзе, где день и ночь стоял гул сражения. Наконец, пришла радостная весть о разгроме немецко-фашистской группировки в районе Гизеля.

— Но мы тогда никак не могли предполагать, — продолжал рассказ мой собеседник, — что именно на нашем участке противник предпримет наступление. Случилось непредвиденное. Перегруппировав свои силы, используя лесистую местность, под покровом густого тумана 15 ноября после короткой артиллерийской подготовки вражеские автоматчики нанесли удар встык между первым и вторым батальонами 761-го стрелкового полка. На второй день, подтянув до двух батальонов пехоты, противник прорвал нашу оборону, захватил господствую-

щие высоты и окружил две роты батальона и взвод автоматчиков...

Из оперативной сводки: «При поддержке трех минометных батарей и двух артиллерийских дивизионов враг прорвался на стыке 4-й и 6-й стрелковых рот, вышел на фланг, а затем и в тыл 2-го стрелкового батальона 761-го стрелкового полка и окружил его. Попытки силами 1-й и 4-й стрелковых рот, а также с помощью роты автоматчиков и учебной роты прорвать кольцо окружения и помочь выйти 2-му батальону из окружения результатов не дали».

Не имея связи с полком, без боеприпасов и продовольствия окруженные попали в исключительно сложную ситуацию. Но не поддались панике бойцы и командиры. С первой же минуты окружения особой выдержкой отличились минометчики лейтенанта Котлярова и пулеметчики лейтенанта Рыбачкина. Они действовали так, будто и не было сложной обстановки. Готовили боевые рубежи, окапывались, готовились к круговой обороне.

Противник одним ударом намеревался покончить с окруженным батальоном. Но, выбрав выгодные позиции и предугадав направление главного удара противника, минометчики и пулеметчики хладнокровно, как на учениях, расстреливали вражеских автоматчиков, набегавших нагло, в полный рост, по склону горы.

Дальнейшие события развивались так. Встретив организованный отпор, противник изменил тактику. Он решил сломить моральный дух окруженных. В их окопы полетели листовки. По радио на русском языке обратился немецкий офицер. Он предложил прекратить кровопролитие и добровольно сложить оружие. От имени командования он заверял, что в случае сдачи в плен многие бойцы будут отпущены домой. Зная, что окруженные голодали, не имели питьевой воды, перед их оборо-

ной фашисты выставляли котелки с горячей пищей и водой.

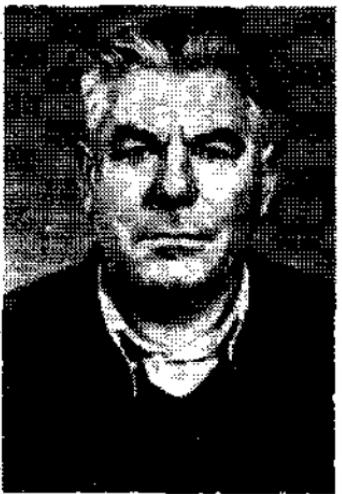
Но молодые воины держались стойко. Ни один из них не прогнулся и ни один не оказался трусом.

В той сложной обстановке прошло несколько совещаний командного и политического состава полка. На одном из них решено было назначить командиром окруженногого батальона командира шестой роты лейтенанта Громынина, его заместителем — лейтенанта Гребенюка и начальником штаба — лейтенанта Красного. Командование принял меры к тому, чтобы бойцы сохранили силы для попытки к прорыву. Кто-то выловил двух лошадей. Их забили и из конины готовили пищу, которую равномерно и экономно распределяли между бойцами. Раненые и ослабевшие получали большую порцию. Дождевую воду из луж и воронок собирали в котелки солдатскими ложками. Запас воды дезинфицировали таблетками санслужбы. Для раненых и больных бойцов был открыт блиндаж, который прикрывался специальным охранением. Группа разведки в течение нескольких дней находилась в непрерывном поиске бреши в цепи вражеских блокирующих подразделений.

На пятые сутки, когда силы обороняющегося батальона были на исходе, разведчики принесли весть о том, что выход есть. Комбат Громынин принял решение на выход из окружения. На себя он взял обязанности возглавить ударную группу прорыва. Начальник штаба руководил боковым охранением и эвакуацией раненых и больных бойцов. Группой прикрытия командовал лейтенант Гребенюк.

В ночь на 20 ноября 1942 года прошла проверка готовности батальона к прорыву, а в половине второго ночи прозвучала команда на движение.

С целью отвлечения внимания противника от выбранного для выхода из окружения маршрута из самых креп-

В. А. Бучнев

ких бойцов была сформирована группа, которой ставилась задача под покровом ночи совершил налет на боевое охранение врага в стороне, противоположной движению батальона, а затем присоединиться к прикрытию.

— На рассвете вышли мы к опушке леса, — вспоминал Владимир Габзаевич. — Совсем недалеко виднелись орудийные дворики немецких артиллеристов, дымившиеся походные кухни. Вдоль леса тянулось несколько линий связи. Но не зря разведчики выбрали именно этот маршрут. Ни один

вражеский солдат не встретился на пути. Вскоре глубокая лесная лощина скрыла нас от противника. К восьми часам утра 20 ноября мы вывели из окружения 232 бойца и вынесли 29 раненых. План выхода был очень четко реализован. В ходе операции наши потери составили только два человека. В расположении полка нас уже ждали...

Изголодавшиеся, обросшие, в изорванном обмундировании, безумно уставшие бойцы с котелками, наполненными вкусно пахнувшим солдатским борщом, опускались прямо на землю и, отхлебнув несколько ложек пищи, тут же забывались в беспробудном сне. Сказывалось нервное напряжение проведенных в окружении дней. Ругаю себя за то, что не успел тогда записать фамилий тех, кто с честью вышел из труднейшего испытания. За эти годы мне так и не довелось встретиться

с однополчанами по этому памятному бою в районе Заманкула.

Рассказанное Владимиром Габзаевичем Дзакгоевым дополнили те, кто воевал во 2-м батальоне 761-го стрелкового полка. В их числе был и Василий Алексеевич Бучнев.

— В ноябре, — рассказывал он, — все мы, молодые бойцы, чувствовали себя увереннее. Зря не шарахались при взрыве снаряда или мин, лишний раз не прятали головы при свисте пролетавшей пули, могли незаметно пробираться до самых вражеских траншей, участвовали вочных вылазках в тыл противника. Становилось понятным, что враг нас побаивается.

Вспомнил Василий Алексеевич, что в их батальоне служили нальчане Леонид Скакун, Иван Солод, Михаил Найда, Василий Бурляев, Николай Писарев и другие.

— К сожалению, — продолжал он, — всех я не запомнил. Теперь по поводу самого боя. Нашим командиром взвода был украинец Антон Васильевич Артемчук. Медалью «За отвагу» награжден еще за финскую кампанию. Ему мы обязаны тем, что не погибли в те критические минуты, когда противник обрушил на нас свой удар. Он очень умело руководил боем, оказывался там, где требовалась его помощь. 16 ноября, отражая вражескую атаку, смертью храбрых пал Леонид Скакун и получил тяжелое ранение Василий Бурляев...

Предпринимались отчаянные попытки пробиться к главным силам батальона, но они результатов не дали.

А. С. Огурцов

Е. Н. Жуков

меня оперировали, я встретился с Василием Бурляевым...

Теперь кавалер ордена Красной Звезды Василий Алексеевич Бучнев трудится в республиканском художественном фонде.

Для Василия Степановича Бурляева участие в боях началось и завершилось под Илларионовкой. Сначала лечился в госпиталях, потом служил в артиллерийской разведке соединения, которое дислоцировалось на советско-иранской границе. После демобилизации вернулся в Нальчик и все эти послевоенные годы работает машинистом тепловоза.

Участником тех событий был и Николай Иванович Писарев. Уже после выхода батальона из окружения его ранило. Лечился в госпитале в Тбилиси. Оттуда направили в запасной полк и в Иран. Там служил до конца войны. После демобилизации работал на заводе «Севкав-

17 ноября взвод снова подняли в атаку. Удалось продвинуться не больше ста метров. Ураганным огнем встретил противник наших бойцов.

— Трудно теперь передать все, что тогда было. В самый разгар боя где-то рядом раздался оглушительный взрыв, и я потерял сознание. Опомнился, когда надо мной наклонились двое, и я, как из-за стены, услышал вопрос взводного: «Дышит еще?» — «Дышит!» — донеслось издалека. Так я оказался в госпитале. Потом в небольшом курортном городке Мардакенте, где размещался стационарный госпиталь и где

электроприбор». Сейчас на пенсии.

Хотелось бы хоть несколько слов сказать и о других наших земляках, которые не забывают о памятном бое второй половины ноября под Илларионовкой. Среди них кавалер орденов Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, двух орденов Красной Звезды и других боевых наград подполковник запаса Александр Сергеевич Огурцов, который осенью сорок второго года нес службу заместителем начальника штаба полка. Ныне он заместитель директора базы Управления снабжения и сбыта Совета Министров КБАССР.

Многие бойцы хорошо помнят командира пулемётной роты полка ныне кавалера трех орденов Красной Звезды подполковника запаса Василия Ивановича Хоршилова, работающего в СКБ «Трансавтоматика». Помнят о тех событиях кавалеры ордена Славы III степени Владимир Алексеевич Ивашин и Николай Васильевич Кубатько, механик Кабардино-Балкарской комплексной геологической экспедиции Михаил Иванович Матиенко, слесарь комбината «Искож» Евгений Николаевич Жуков, рабочий одного из заводов Нальчика Василий Федорович Безуглов и его фронтовой побратим из Прохладного Иван Евгеньевич Козорез. Всех просто невозможно перечислить...

Но есть один нальчанин, Иван Васильевич Котляров,

З. В. Лесев

В. Ф. Безугллов

для которого этот бой особенно памятен. Был он рядом с автоматчиком. Их взвод находился в самой гуще событий. Действовали они решительно и удар наносили по флангу вражеского батальона. Враг оказался хитрее. Он пропустил их взвод, имитируя отступление. Но как только вышли они на соединение со вторым батальоном кольцо снова замкнулось. А шальная пуля ранила Котлярова уже в окружении...

После выхода из окружения он лечился в госпитале. Потом снова воевал. Награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». До выхода на пенсию трудился майор И. В. Котляров в органах внутренних дел республики. Не раз доводилось мне с ним встречаться. И как только заходил разговор о годах войны, невольно вспоминался эпизод выхода второго батальона 761-го стрелкового полка из окружения.

Такое с годами не забывается...

Коммунисты, вперед!

В годы суровых военных испытаний во главе борющегося народа стояла партия коммунистов. Она организовала, вдохновила, идеально вооружила советский народ на борьбу с врагом. Лучшие сыны Коммунистической партии были на переднем крае вооруженной борьбы с фашизмом. Наша партия была поистине сражающейся партией.

К осени 1942 года лозунг партии «Ни шагу назад!» стал девизом каждой воинской части, каждого бойца и командира. Глубокое сознание смертельной опасности, нависшей над Родиной, придавало советским воинам новые силы, вдохновляло на подвиги и повышало ответственность каждого перед народом и партией. В этот период особое внимание обращалось на усиление ин-

тернационального воспитания советских воинов и, в частности, на улучшение политической работы среди бойцов и младших командиров нерусских национальностей. Во всех подразделениях 317-й стрелковой дивизии командиры и политработники многие беседы и встречи посвящали этим вопросам. Подбирались грамотные агитаторы, которые могли беседы проводить на родном языке, всемерно поощрялась боевая дружба между бойцами разных национальностей. В дивизионной газете «На штурм» не раз рассказывалось о том, как фронтовые побратимы, рискуя собственной жизнью, спасали товарищей. Наш земляк, майчанин Васюков Дмитрий Федорович, кандидат в члены ВКП(б), находясь в разведке, несмотря на шквальный огонь противника, вынес с поля боя тяжело раненного заместителя командаира батареи старшего лейтенанта Корпачева с его оружием. Осетин Кантурев Телсарико Гадокович, старший сержант, командир отделения разведки в районе высоты 488,4 первым обнаружил прорвавшихся автоматчиков противника, принял с ними бой и вместе с отделением уничтожил 12 фашистов. Он помог вынести с поля боя раненого бойца туркмена Холина Арнокулиева. Д. Ф. Васюков и Т. Г. Кантурев награждены в числе первых медалью «За отвагу».

В приказе по 317-й стрелковой дивизии № 39 от 7 ноября 1942 года говорилось: «...В рядах нашей дивизии за время боев выросла замечательная плеяда отважных воинов — истребителей фашистских оккупантов. В их числе артиллерист тов. Деев, Метким огнем уничтожил он 13 вражеских автомашин, склад боеприпасов и артиллерийскую батарею противника. Минометчики лейтенанты Пустовалова уничтожили две автомашины с трупами и большую группу солдат и офицеров врага. Снайпер Маматов уничтожил 17 фрицев. Комсомолец-разведчик Жиров участвовал в захвате «языка» —unter-

офицера, давшего ценные данные о противнике. Во всех боях в атаку наших воинов поднимало правое дело и в первых рядах шли коммунисты...»

Только за первый месяц боев в дивизии было принято кандидатами в члены ВКП(б) 145 человек, в члены партии 45 человек. В декабре всего принят в партию 181 человек.

Для повышения ответственности командных кадров за все стороны жизни и боевой деятельности частей и соединений важное значение имел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года «Об установлении полного единоличия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии». Вводился институт заместителей командиров по политической части. Для всех политработников устанавливались такие же воинские звания и знаки различия, как и для командного состава.

29 ноября 1942 года состоялось собрание партийного актива дивизии. В его работе принимало участие 55 коммунистов от штаба, всех стрелковых полков, артполка, отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона и других подразделений усиления. В работе актива участвовали командир дивизии русский Н. А. Шварев, заместитель комдива по политчасти еврей К. И. Волкинштейн, начальник политотдела бурят Д. Ц. Цыремпилон, украинец Малышко, белорус Марусич, карачаевец Охтов, карел Патикен, башкир Шакиров, кабардинец Эльчепаров, адыгеец Тутуков, представители других национальностей страны. На активе обсуждался доклад комдива «Итоги действий дивизии и наши задачи».

Рисуя общую картину сражения за Кавказ, полковник Н. А. Шварев сообщил, что в ходе четырехмесячных боев наши войска сковали многотысячную группировку фашистских войск, нанесли ей большие потери. Своими

действиями дивизия способствовала окружению и уничтожению в районе Гизеля и Нижней Санибы крупных сил противника. Тщетными оказались попытки оккупантов посеять национальную рознь, вызвать конфликты между народами Кавказа, противопоставить их русскому народу. Дальше следовал перечень боевых операций, в которых принимали участие подразделения дивизии. Проводился анализ оперативной и тактической подготовки командного состава. Всего отличилось в боях 70 бойцов и командиров, которые отмечены боевыми наградами. Положительную оценку получили действия отдельных стрелковых рот, батальонов, артиллерийских и минометных батарей. Главное внимание докладчик сосредоточил на предстоящих задачах. Начиналась подготовка к наступательным боям. Требовалось научить действовать бойцов в совершенно новых условиях. Больших наступательных операций полки дивизии не проводили, поэтому подготовить личный состав к ним одна из важнейших задач политорганов и коммунистов. Найти такие слова к сердцам бойцов, которые в нужную минуту могли поднять их в решительный бой, ведь очистить нашу землю от захватчиков — священный долг каждого бойца и офицера.

Участники актива обсудили очередные задачи каждой партийной организации, командиров и политработников на предстоящий период, призвали весь личный состав дивизии совершенствовать боевую выучку и мужественно громить захватчиков.

Нет, не случайно политрук 3-й роты 606-го стрелкового полка Магомед Карамашевич Эльчепаров оказался участником дивизионного партийного актива. На активе он представлял политработника, который личным примером в бою воодушевлял бойцов. А было это так. В по-лосе обороны первого батальона на северо-западных склонах Сунженского хребта и вдоль кукурузного поля

М. К. Эльчепаров

в районе Верхнего Курпа две господствующие высоты 473,0 и 488,4 находились в руках противника. Это позволяло ему контролировать и сковывать действия наших подразделений. Тогда и решено было сначала провести разведку боем, а затем захватить высоту 473,0.

К операции привлекался первый батальон со средствами усиления. 17 ноября 1942 года после короткого артиллерийского и минометного налета штурмовые роты батальона вышли на склоны высоты. С особым чувством шел в атаку политрук Эльчепаров, ведь он участвовал в бою на родной земле. Ведь воины

606-го стрелкового полка держали оборону на территории Терского района. Правда, это было всего лишь кукурузное поле между Курскими высотами. И все же это была земля Кабардино-Балкарии.

Рассказывая о бое за высоту 473,0, корреспондент дивизионной газеты «На штурм» А. Марков писал: «...Политрук Эльчепаров всегда среди бойцов. Был он с ними и в решительный час атаки на врага. Скользкой была земля, крутым — подъем. Смертью грозил каждый шаг вперед. Но храбрых смерть не берет. В самых первых рядах дрался Эльчепаров. Острым взглядом замечал он вражескую засаду. Быстры в движениях кавказцы... Троє фашистов и опомниться не успели, как меткая очередь автомата уложила их наповал. Четвертый прятался в кустах. Эльчепаров подбежал к нему,

Они стояли друг против друга: гордый советский воин и гитлеровский негодяй. «Я не фашист. Гитлер заставил меня воевать. Не убивайте меня...» — бормотал гитлеровец. Он поднял руки и был взят в плен».

На второй день захватчики предприняли несколько контратак, пытаясь выбить воинов полка с высоты. Но устояли бойцы и командиры первого батальона. Здесь, на господствующей высоте, в глубоких окопах и ходах сообщения с брошенным врагом имуществом, среди которого виднелись награбленные в селах подушки и одеяла, домашние коврики и подстилки, под непрерывный гул артобстрела проводил Магомед Карамашевич первую после взятия высоты политинформацию. Рассказывал он о подвиге партторга Жмурко, смертью храбрых павшего при штурме высоты, о самоотверженных действиях бойца Фокина, в жарком бою истребившего четырех захватчиков, о родной республике и ее людях, ждавших освобождения...

И потому, что третья рота успешно действовала во время операции по взятию высоты 473,0, за высокий мозговый дух бойцов и командиров, за личную храбрость, проявленную в бою, и удостоен был политрук М. К. Эльчепаров чести представлять на дивизионном партийном вктиве свой 606-й стрелковый полк вместе с его командиром и заместителем по политической части.

В фондах архива политотдела дивизии хранится протокол заседания партийного бюро 606-го стрелкового полка от 4 ноября 1942 года, на котором рассматривался вопрос о приеме кандидатом в члены ВКП(б) Борисова Виктора Васильевича — командира отделения 3-й стрелковой роты первого батальона. Рекомендации в партию ему дали М. К. Эльчепаров, В. Г. Агеев, М. С. Егоров. На вопрос, почему Борисов решил вступить в партию, он ответил: «Чтобы вправе подняться

первым в атаку на врага, когда будет брошен клич: «Коммунисты, вперед!»

Выслушав его ответ, заместитель командира полка по политчасти майор И. И. Панюшкин заметил: «Правильно понимает насущные задачи партии. Коммунист во всем должен быть первым. И в атаке тоже».

В пятьсот семьдесят первом

Немало наших земляков служило и воевало в батальонах и подразделениях усиления 571-го стрелкового полка. В ночь с 27 на 28 октября 1942 года в районе Сагопши—Кескем (недалеко от Малгобека, ЧИАССР) полк вместе с дивизионом 773-го артиллерийского полка и одной пулеметной ротой сменил подразделения 57-й стрелковой бригады. Враг еще не отказался от попытки найти слабое место в нашей обороне и через Нижние и Средние Ачалуки выйти на подступы к Грозному. Задача 571-го стрелкового полка поэтому и определялась: не пропустить танки и пехоту противника на этом участке. Исходя из этой главной задачи действия батальонов направлялись на совершенствование обороны, укрепление переднего края, ведение разведки и наблюдения. Полк отражал вражеские атаки, подвергался артиллерийскому и минометному обстрелу из опорных пунктов обороны противника, проводил разведку боем.

Из оперативной сводки от 11 декабря 1942 года:

«Взвод 571-го стрелкового полка вел наступление в направлении озера Ам. В 11.35 взвод достиг окраины сел. Яндиево, встретил сильный артиллерийский и минометный огонь и вынужден был залечь. Противник подбросил до двух взводов пехоты и усилил огонь. Разведка боем позволила выявить узлы сопротивления в районе озера Ам и Верхнего Курпа. Задача была полностью

выполнена... В конце дня наши бойцы отошли на исходный рубеж».

Вспоминая те дни, Николай Григорьевич Федорченко из Баксана рассказывал:

— В третьем стрелковом батальоне, которым в ту пору командовал старший лейтенант А. И. Закопырин, мне довелось командовать ротой. Хорошо помню, что в этой роте воевали мой земляк Александр Гладкий, Григорий Дзюба из Прохладного, несколько человек из Майского района...

Во второй половине декабря, принимая участие в наступательной операции по свладению высотой 488,4, 3-й батальон в первый же день наступления достиг северных склонов высоты и там окопался. Тогда Федорченко был ранен и выбыл из 317-й стрелковой дивизии.

Н. Г. Федорченко был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За боевые заслуги». До последних дней жизни проживал он в родном Баксане.

Многие годы работал главным агрономом Урванского районного управления сельского хозяйства бывший пулеметчик 571-го стрелкового полка кавалер ордена Красной Звезды и других боевых наград Михаил Артемович Чернов.

В минометной роте второго батальона служили и воевали земляки из сел. Ново-Ивановского Григорий Богославский, Иван Глазьев, Михаил Ляшко и Иван Решетников.

— Во время одного из боев в районе Кескема,— рассказывал Михаил Иванович Ляшко при встрече,— нас атаковал противник. Бой длился недолго, но враг нас потеснил. В полосе между нашей обороной и занятymi врагом окопами остался лежать раненый наш командир минометной роты. Ваня Глазьев, несмотря на смертельную опасность, пополз за ним. Вражеские пулеметчики

следили за его продвижением. И как только он поднялся, чтобы унести раненого командира, пулеметная очередь сразила его. Там же в декабре погиб и Иван Решетняков...

Рассказывал Михаил Иванович о том, как началось наступление, как после взятия станицы Ильинской их батальон наступал на Терновскую. Там навстречу батальону противник бросил 16 танков. В бою погибли многие воины. В их числе и Григорий Богославский. Получив ранение, выбыл из 317-й стрелковой дивизии Михаил Иванович Ляшко. Живет он в поселке Октябрьском.

Там же проживает и Николай Федорович Баранов, инвалид Великой Отечественной войны. Служил и воевал он в первом взводе второй роты 1-го батальона 571-го стрелкового полка.

— Вместе со мной,—вспоминал он,—воевали Михаил Ефимов и Никита Гусаков. В пулеметной роте — Петр Белан. Он погиб. А мы все вернулись с войны. Под Верхним Курпом был тяжело ранен Никита Гусаков. Все эти годы он болел и недавно скончался от ран. Я там же в декабре был тоже ранен. Лечился в госпитале в Дербенте. Из госпиталя попал в запасной полк, потом в 32-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Участвовал в освобождении Таманского полуострова. Там снова был ранен, потерял руку...

— Первые бои в районе Кескема запомнились на всю жизнь,—рассказывал нальчанин Николай Никитович Брехунцов.—Наша рота принимала участие в разведке боем. После короткого артналета мы поднялись в атаку. Справа впереди меня бежал мой товарищ по Нальчику помощник командира взвода Николай Коновалов. Оставалось буквально метров двадцать до вражеских окопов, как противник открыл шквальный пулеметный огонь по нашей цепи. Николай как-то неловко согнулся и упал. Мы залегли. Когда я подполз к своему

товарищу, он уже был мертв. Вражеская пуля попала ему в висок. Вечером в лощине недалеко от переднего края похоронили мы храброго помкомвзвода.

В тех боях погиб Петр Денисенко, а Николай Брехунцов был тяжело ранен и после госпиталя вернулся в Нальчик.

— Декабрьские бои 571-го стрелкового полка,— рассказывал на встрече ветеранов дивизии кавалер ордена Славы III степени Алексей Михайлович Водогрецкий из города Терека,— были последними для многих моих товарищ из Новоивановки. Я хорошо помню, что нас прибыло в полк много: Иван Бондаревский, Григорий Луценко, Иван Захарченко, Григорий Сухаренко, Алексей Кваша и другие. Тогда от ран, полученных в боях под Курпом, скончался в госпитале командир отделения Григорий Сухаренко. В одном бою погиб мой товарищ по школе Иван Захарченко, а я получил тяжелое ранение и на фронт больше не вернулся...

Всего месяц служил в роте автоматчиков 571-го стрелкового полка Шамсадин Бекмурзович Гидов. Наверное, не было в дивизии ни одного бойца, который в ту пору воевал бы так близко от родных мест. Временами он видел свое село Нижний Курп. Но оно было в руках у врага. Надеялся, что удастся принять участие в освобождении его. Но, получив ранение, выбыл он в госпиталь, а позже воевал в прославленном 5-м гвардейском Донском казачьем кавалерийском корпусе. За войну был трижды ранен. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу». После войны работал председателем колхоза, сельпо, возглавлял полеводческую и строительную бригады. Несмотря на возраст, до сих пор трудится ветеран войны в совхозе «Курпский».

Для минометчика Степана Петровича Авешникова 31 декабря 1942 года стало последним днем участия в

войне. Получив тяжелое ранение, он надолго оказался в госпитале. Стал инвалидом войны. Ныне живет и трудится в Нальчике.

Невозможно перечислить всех, кто служил и воевал в 571-м стрелковом полку из нашей республики, их было много...

Самым первым из наших земляков, кого наградили орденом за бои в составе полка, был Иван Сидорович Чередниченко. Служил он в первом взводе ПТР 277-го истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона. Когда началось наступление на высоту 488,4, противник контратаковал наши подразделения. На склоне высоты завязался бой. В этот момент командир роты ПТР лейтенант Иванов поднял в атаку взвод истребителей танков.

Бойцы взвода сломили сопротивление противника и погнали его. Когда оставалось метров пятьдесят до вражеских траншей, с фланга ударили пулемет противника. Чередниченко первым заметил опасность и своим телом прикрыл командира роты, получив тяжелое ранение в обе ноги. За совершенный подвиг в бою младший сержант, наводчик противотанкового ружья Иван Сидорович Чередниченко был награжден орденом Красной Звезды. Долго боролись за жизнь славного воина хирурги дивизионного медсанбата, но все их попытки оказались тщетными... Возле школы селения Старый Батакоорт на братской могиле воинов 317-й стрелковой дивизии высится памятник. Среди имен, занесенных на памятник, есть имя и Ивана Сидоровича Чередниченко, уроженца селения Ново-Полтавского.

Первые награды

Противника совсем не устраивала потеря высоты 473,0. Уж очень неспокойно было их опорному пункту по соседству с позицией 606-го стрелкового полка на этой высоте. После неудачных попыток потеснить защитников высоты, на какое-то время враг прекратил активные действия, ведя скрытую подготовку к ее штурму. Наше командование укрепило полосу обороны высоты 473,0 взводом автоматчиков и двумя станковыми пулеметами.

— Я искренне обрадовался,— рассказывал Николай Петрович Донченко,— когда увидел своих земляков из Прохладного Николая Еременко и Георгия Кабанова. Разговорились. Оказалось, что ребята служили и воевали в роте автоматчиков нашего полка. А теперь прибыли на передний край, чтобы поддержать нас... Они столько наговорили о том, что у них все «здраво», что я тут же решил проситься в их роту.

Утром 12 декабря 1942 года противник открыл сильный артиллерийский и минометный огонь по высоте. Погода стояла ненастная. Видимость была плохой. Под прикрытием тумана силой до двух рот с трех направлений противник начал наступление на оборону 4-й стрелковой роты.

— За ночь мы не смогли окопаться как следует,— вспоминал спустя годы кавалер орденов Отечественной войны I степени и Славы III степени Гавриил Герасимович Акульшин,— грунт мерзлый. Поэтому нам больше всех досталось во время артминналета. В самом начале осколок зацепил второго номера — Федора Зубкова. Но, несмотря на это, пулеметные очереди нашего «максима» заставили фашистов залечь. Потом нас поддержали бойцы второго взвода.

На другом фланге также, неся большие потери, про-

Г. Г. Акульшин

го. Вскоре уцелевшие фашистские автоматчики начали отходить.

Как сражались бойцы в том бою, видно из наградного листа на пулеметчика второго батальона Василия Андреевича Негрея: «Рождения 1925 г., уроженец города Прохладного. Во время атаки противника на высоту 473,0, проявив личное мужество и отвагу, станковым пулеметом уничтожил более десятка фашистов. Достоин награждения медалью «За отвагу».

— Отбив вражескую атаку,— продолжает рассказ Н. П. Донченко,— наша рота начала преследовать противника на скатах высоты. Во время этой атаки смертью храбрых пали политрук И. А. Наливайко, мои земляки Сергей Кулюкин и Николай Еременко, помкомзвода Иванов. Хоть и дорогой ценой, но мы добились победы.

тивник не достиг высоты. Зато в центре, на стыке первого и второго взводов, ударная группа вражеских автоматчиков сумела проникнуть в наши окопы. Завязался рукопашный бой.

— Командир роты старший лейтенант Волков поднял в атаку наше отделение и лично возглавил его,— вспоминает Донченко.— Мы ринулись в бой. Храбро сражались помкомзвода Иванов, командир отделения Илья Демченко, Григорий Арутюнян и другие. Но образцы настоящей самоотверженности проявили наш командир роты и оказавшийся в самой гуще боя политрук Наливайко. Бой длился недол-

Ночью мне пришлось выполнять задание ротного и выносить со склона высоты тело погибшего нашего политрука...

За этот бой 32 бойца были награждены орденами и медалями. Из них 9 из Северной Осетии, 7 из Кабардино-Балкарии, 4 — из Чечено-Ингушетии. Вот краткие сведения из наградных листов на наших земляков:

Кулюкин Сергей Иванович, 1925 года рождения, член ВЛКСМ, из Майского района, красноармеец 4-й стрелковой роты второго батальона. В бою лично уничтожил пять солдат противника.

Гусаренко Василий Васильевич, 1924 года рождения, член ВЛКСМ, родом из сел. Ново-Ивановского Майского района. При атаке противника проявил мужество, участвовал в рукопашном бою, уничтожил трех вражеских солдат.

Плис Иван Васильевич, 1925 года рождения, член ВЛКСМ, родом из Пришибской, красноармеец взвода противотанковых ружей второго стрелкового батальона. Принимал участие в отражении вражеской атаки и в бою лично уничтожил трех солдат противника.

Тменов Петр Байбулатович, 1924 года рождения, член ВЛКСМ, с хутора Владимира Майского района, красноармеец взвода противотанковых ружей второго стрелкового батальона. Не находя цели для ружья ПТР во время вражеской атаки, подобрав винтовку и боеприпасы раненого красноармейца, вел меткий огонь по противнику, уничтожил пять вражеских солдат и оказал помощь четырем раненым красноармейцам.

Все названные бойцы, а также новоивановцы, комсомольцы-красноармейцы второго стрелкового батальона Петр Головчанский и Николай Цапа награждены медалью «За отвагу»...

Провалом закончилась попытка противника овладеть высотой 473,0. Участники боя тогда не знали, что командование уже начало подготовку к большой операции по штурму Курских высот и переходу в наступление.

Самое памятное

В тот день, когда семнадцатилетний слесарь Михаил Володкин по повестке явился в городской военкомат, там уже собирались многие его одногодки. В тени деревьев на скамейке вели разговор прибывшие по разным делам в военкомат офицеры. Навольно внимание всех привлек подъехавший на легковой машине полковник в новенькой форме с двумя орденами Красного Знамени на груди. Он вышел из машины и, прежде чем войти в здание, оглядел двор. Взгляд его внимательных глаз остановился на Володкине, который с нескрываемым интересом рассматривал ордена.

— На фронт собрался? — спросил он. — Видно, вместе воевать будем...

— Если возьмёте! — бойко, но не по-уставному ответил Володкин, поправляя на плече самодельный вещмешок. Окружающие засмеялись. А полковник, слегка потрепав его белокурую голову, зашел в помещение военкомата.

Кто бы подумать мог, что слова полковника Николая Александровича Шварева окажутся вещими. Воевать Володкину, действительно, придется под его командованием — в 571-м полку 317-й стрелковой дивизии. Позже автоматчик Михаил Володкин не без гордости говорил, что ему первому посчастливилось лично познакомиться с комдивом.

В конце октября прошло боевое крещение роты автоматчиков в районе Малгобека, и взводный лейтенант

М. С. Володкин

Славин отметил смелые и решительные действия Володкина. Немногословный, смелый командир взвода не раз бывал в серьезных переделках, трижды был ранен. Личным примером учил он автоматчиков, как надо действовать в той сложной обстановке. Лейтенанту Славину обязаны многие автоматчики тем, что поверили в собственные силы, научились воевать. Но нелегко давалось учение. Осваивать азы ведения боя приходилось в условиях, когда им противостоял опытный противник. На долю сметливого и ловкого Михаила Володкина выпало несколько сложных заданий по проведе-

нию разведки и сбору сведений о дислокации вражеских огневых точек. Первое самостоятельное задание получил он в ночь на 5 ноября 1942 года, когда потребовалось неслышно пробраться к окопам противника и разбросать там листовки. За успешное выполнение этого задания он был поощрен благодарностью командира роты и вместе с лучшими бойцами принимал участие в торжественном собрании дивизионного актива, посвященном 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, которое проходило в штабе дивизии в сел. Старый Батакоюрт 8 ноября 1942 года.

Об автоматчике Михаиле Володкине рассказывалось в корреспонденции «Школа ненависти», опубликованной в дивизионной газете. «...И вот,— писал военный корреспондент А. Марков,— настал памятный декабрьский

день: наши бойцы пошли в наступление. Немцы укрепились на высотках. Приказ был — вышибить их оттуда. Михаил полз вместе с другими автоматчиками по обледенелым склонам. Зло стрекотал немецкий пулемет из-за укрытия. Володкин подкрался к врагу сбоку и дал короткую очередь из автомата. Гитлеровец упал. В окоп полетела граната, и пулемет замолк навсегда. Красноармейцы ринулись вперед, и высота была взята».

За проявленную в этом бою храбрость автоматчик Михаил Володкин награжден был медалью «За боевые заслуги». Отсюда, от Курских высот, фронтовыми дорогами довелось ему пройти Северный Кавказ и Кубань, участвовать в боях в Приазовских плавнях и в разгроме Таманской группировки противника. Особенно памятны для Михаила Семеновича Володкина бои за хутор и станицу Красная Стрела. Здесь, на Кубани, за успешное выполнение заданий командования по выходу в тыл вражеской группировки и разгрому важного узла обороны противника Володкин был награжден орденом Красной Звезды.

Дивизионная газета «На штурм» под рубрикой «Герои боев за Тамань» поместила его фотографию с подписью: «Автоматчик Володкин М. С. первым ворвался на господствующую высоту и водрузил на ней красное знамя».

— В роте автоматчиков служил до мая 1944 года, — рассказывал при встрече Михаил Семенович. — Воевал в составе 317-й стрелковой дивизии на Украине. Принимал участие в отражении вражеского контрнаступления в районе Житомира. Дошел до Карпат. Там меня командировали в училище. Много было памятных боев. Но самые незабываемые — это первые бои на Курских рубежах.

Артиллерийский наводчик

До войны мальчишки из Пришибской и Майского любили бегать к железнодорожной станции, встречать и провожать поезда. Что-то манящее было в этом. Романтикой дальних дорог веяло от названий городов, которые они читали на вагонах. Вместе с другими наведывались на станцию и два Николая: Мельников и Сиднев. Наверное потому и любили географию. Знали почти все пункты между Ростовом и Баку. Но ни разу не доводилось слышать им о станции Каякент. Не могли тогда они и предполагать, что именно на этой станции начнется их армейская служба. Да и не только их, но и всей группы майчан, прибывших в августе сорок второго в распоряжение командира 773-го артиллерийского полка 317-й стрелковой дивизии. С первых дней началась боевая учеба. Невысокого роста, подтянутый, капитан Г. А. Ус, только что назначенный командиром 2-го артдивизиона, принимал новобранцев. Внимательным взглядом окинув их строй, он первую речь произнес, как приказ:

— Артиллерия — бог войны... Родина доверила нам грозное оружие. И чем быстрее вы его освоите, чем быстрее научитесь в совершенстве владеть им, тем скорее погоним мы ненавистных захватчиков...

С большим старанием овладевали армейскими специальностями все воины полка. На учебных стрельбах высокую оценку получило большинство боевых расчетов.

Но обстановка на фронте складывалась так, что вскоре учебу пришлось прервать. Полк погрузился на железнодорожные платформы и отбыл в места, совсем недалекие от их Майского района.

— Даже не верится, — говорит мой собеседник Николай Дмитриевич Сидnev, — что все это было. Ведь сорок лет минуло! Сорок лет с того времени, как первый раз готовили мы орудие к бою. Как сейчас помню спо-

Н. Д. Сиднев

койного командира орудия Гулякова. На нем и на мне, наводчике, лежала главная ответственность за пристрелку и ведение огня...

В канун октябрьских праздников 1942 года четвертая батарея занимала огневые позиции юго-восточнее Малгобека. Боевая учеба продолжалась и в этих фронтовых условиях. В зоне видимости проходила шоссейная дорога, по которой довольно оживленно двигались машины противника.

Честь провести первую пристрелку орудия по движущимся целям выпала на долю наводчика Сиднева. С необыч-

ным волнением и большой тщательностью провел он пристрелку. И когда по его данным батарея совершила огневой налет, три вражеские машины с горючим запылали на дороге. За успешное выполнение задания наводчик Сиднев получил благодарность комбата.

В конце ноября сорок второго года из района Нижнего Курпа противник готовился нанести удар на стык двух полков 317-й стрелковой дивизии. По указанию командира дивизии четвертая батарея получила задачу выдвинуться на передний край и занять огневой рубеж для стрельбы прямой наводкой.

— Это было по-настоящему боевое крещение! — лицо ветерана стало суровым, глубокая складка прочертила лоб.— Пока противник не обнаружил артиллерийской засады, он совершил небольшой налет на наши тылы и при поддержке двух бронетранспортеров бросил

в атаку автоматчиков. Залп наших орудий вызвал явное замешательство в рядах атакующих. Один бронетранспортер стал. Вражеская цепь залегла. Мы уже надеялись на легкую победу, как вдруг по нашим позициям из всех видов оружия противник открыл огонь. Особенно большие неприятности испытали мы от вражеских минометов. Минны рвались со страшным треском, летели с непривычным воем. Трудно, очень трудно было. Но мы выстояли...

Дорогой ценой вражеская атака была отбита. В одном расчете Сиднева погибло два бойца и троев получили ранения. О том, как сражались в октябрьские дни артиллеристы дивизии, свидетельствует боевое донесение, сохранившееся в Архиве Министерства обороны СССР: «За октябрь 1942 г. артиллеристы истребили до 160 гитлеровцев, уничтожили 7 артбатарей, разрушили дот, в котором размещался штаб противника, взорвали крупный склад боеприпасов, уничтожили 19 повозок и 14 автомашин с пехотой».

На мой вопрос, где же было всего труднее, Николай Дмитриевич, не задумываясь, ответил:

— Конечно, под Крымской! Об этом много написано, об этом есть фильмы и фотодокументы. Не буду повторяться. Там в неимоверно трудных боях на резко пересеченной местности погибли многие мои однополчане и мои земляки: Георгий Голуб, Петр Пазенко, Николай Мельников, Михаил Топтун, Николай Шарапутин. Вечная им слава. Чем дальше уходил артополк от дорогих сердцу родных мест, тем большие изменения в его личном составе происходили...

Не сказал Николай Дмитриевич о том, что после взятия Крымской грудь его украсила первая боевая награда — медаль «За отвагу». Потом были бои по прорыву «Голубой линии», изгнанию захватчиков с Таманского полуострова. Не раз отважному артиллеристу доводилось

смотреть смерти в глаза. Случалось это в период отражения вражеского контрнаступления на Правобережной Украине и во время форсирования Южного Буга. Командование высоко оценило заслуги наводчика Сиднева в дни боев по освобождению Винницкой области. За проявленное мужество он был награжден орденом Красной Звезды.

2 мая 1944 года, когда дивизия вела бои в Карпатах, получив тяжелое ранение, надолго оказался в госпитале Николай Дмитриевич Сиднев. Только после Победы вернулся в родные края. Работал инструктором райкома партии, секретарем парткома Котляревского гospлемпти-це завода, многие годы избирается председателем Майского райкома профсоюза работников сельского хозяйства.

Весь жар своей души отдает он делу развития сельского хозяйства родного района. Тремя правительственные наградами отмечен труд ветерана войны в годы мира.

При всей своей занятости находит Николай Дмитриевич время, чтобы вспомнить огненные годы, встретиться с однополчанами и ветеранами дивизии, выступить перед учащимися. Война напоминает ему о многом, но всеми своими делами служит артиллерийский наводчик миру, завоеванному такой дорогой ценой.

И пробил час... ,

В начале декабря 1942 года дивизия вошла в состав 58-й армии и получила задачу: подготовить и провести операцию по захвату двух высот, ключевых в обороне противника на подступах к Верхнему Курпу.

Для выполнения поставленной задачи привлекались главные силы 571-го и 606-го стрелковых полков со

средствами усиления. 16 декабря после получасовой артиллерийской подготовки полки перешли в наступление. Продвижению мешало огневое сопротивление противника. По нашим подразделениям враг вел сильный артиллерийский и минометный огонь. Два батальона 571-го стрелкового полка по этой причине успеха добиться не могли. Только 3-й батальон к исходу дня сумел достигнуть северных скатов высоты 488,4 и там закрепиться.

Несколько лучше развивалось наступление в полосе 606-го стрелкового полка. К исходу дня 2-й батальон достиг рубежа в 200—300 метрах юго-восточнее высоты 488,4, 1-й батальон завязал бой на скатах высоты с нефтеышкой, а 3-й батальон вышел к полевому стану и высоте 371,4.

На второй день противник начал подтягивать резервы из ближайших пунктов. До роты пехоты было подброшено из Нижнего Курпа и рота из Верхнего Курпа. 18 декабря в 11.35 этими силами была предпринята попытка контратаковать позиции наших батальонов, но все контратаки были отбиты.

Во второй половине дня началась интенсивная переброска войск противника. Из Нижнего Курпа в район боя прибыли 23 машины с пехотой...

Из оперативной сводки за 19 декабря 1942 года:

«В 16.00 после двадцатиминутной артподготовки противник силой до двух батальонов перешел в контратаку. Одним батальоном в северо-западном направлении высоты 488,4 против 606-го стрелкового полка. Другим — на 571-й полк. Несмотря на создавшиеся трудности, наши рубежи обороны сохранены. Контратака противника отбита. За 18.12.42 г. захвачено 6 пленных, 2 орудия, 5 пулеметов, 4 миномета». Были уничтожены десятки солдат и офицеров противника.

Из оперативной сводки за 20 декабря 1942 года:

«Враг трижды переходил в контратаки. 3-й батальон 571-го стрелкового полка в первой половине дня отразил две вражеские контратаки. Противник понес большие потери и отброшен на исходный рубеж. Незначительное продвижение имел 2-й батальон, но в 14.30 он был вновь контратакован противником. Батальоны 606-го стрелкового полка продвижения не имели, так как по их позициям противник вел непрерывный артминогонь».

Из оперативной сводки за 21 декабря 1942 года:

«Противник упорно удерживает южные и юго-западные склоны высоты 488,4. Попытки сбить противника на этих рубежах успеха не принесли.

На участке 606-го стрелкового полка 1-й стрелковый батальон под командованием ст. лейтенанта Ерохина продолжал наступление и в 16.55 ворвался в окопы противника на высоте с нефтеышкой. В результате рукошацкого боя высота захвачена батальоном. Наши потери: убито — 35, ранено — 59 человек».

В дальнейшем подразделения дивизии закреплялись на достигнутых рубежах, улучшали оборону и приводили себя в порядок. Все атаки противника были отбиты.

Возвращаясь к событиям тех дней, участники их вспомнили немало ярких эпизодов, связанных с мужеством бойцов и командиров дивизии. В политдонесении об итогах боев в районе Верхнего Курпа говорится следующее: «Не только словом, но и делом способствовали успеху боя политработники дивизии. Заместитель командира 571-го стрелкового полка по политчасти майор Шарашкин Алексей Филиппович и комсорг полка Падалка Анатолий Захарович, находясь в боевых порядках, не раз принимали участие в отражении вражеских контратак. Незаурядную личную храбрость в этих боях проявили офицеры-коммунисты Архип Гапченко, Иван Ерохин, Магомед Эльчепаров, Григорий Ус, Александр Воробьев, Андрей Фоменко и многие другие».

Сохранились наградные документы на участников боя за высоту с нефтьышкой и высоту 488,4:

«Гузенко Иван Иванович, 1925 г. рождения, призывался Прохладненским райвоенкоматом, пулеметчик 1-го батальона 606-го стрелкового полка. При наступлении на высоту интенсивным огнем из ручного пулемета по противнику и его огневым точкам позволил подойти отделению к вражеской линии обороны на 10—15 метров. Когда немецкий офицер поднимал вражескую пехоту в контр-атаку, лично уничтожил офицера и вместе с отделением забросал гранатами окопы противника». Награжден медалью «За отвагу».

«Зозуля Сергей Васильевич, 1924 г. рождения, призывался Майским райвоенкоматом, связной командира роты 1-го стрелкового батальона 606-го стрелкового полка. При наступлении на высоту обеспечил бесперебойную живую связь командира роты с подразделениями, перерезал линию связи противника от высоты к командному пункту, лишив противника управления подразделениями. Вынес с поля боя командира отделения с его оружием». Награжден медалью «За боевые заслуги».

«Зуев Сергей Андреевич, 1908 г. рождения, призывался Нальчикским горвоенкоматом, красноармеец 1-го батальона 606-го стрелкового полка. В бою за высоту 488,4 у селения Верхний Курп 21.12.42 года лично уничтожил двух фашистских солдат и захватил станковый пулемет противника. В бою получил ранение и выбыл в госпиталь. Награжден медалью «За боевые заслуги».

«Наливайко Анатолий Яковлевич, 1924 г. рождения, призывался Майским райвоенкоматом. В бою за высоту 488,4 под огнем немецких автоматчиков вынес с поля боя материальную часть связи и в период боя обеспечил бесперебойную связь с командованием полка. Награжден медалью «За боевые заслуги»...

Как явствует из оперативной сводки от 27 декабря

1942 года, 606-й стрелковый полк продолжал наступление и достиг сада в километре от Верхнего Курпа.

Каждый боец и командир знал, что совсем недалек тот день, когда начнется общее наступление наших войск на Северном Кавказе. И час тот пробил... 3 января 1942 года дивизия освободила Верхний Курп.

«Боевое распоряжение № 1 3.1.43 г. гора Заманкул отметка 926,4 761-й стрелковый полк.

Противник под напором частей Красной Армии оставил Эльхотово и Верхний Курп, оттягивает свои силы перед районом полка, отходит в направлении Верхнего Акбаша. Для установления наличия и сил противника командирам батальонов организовать разведку перед районом обороны. Разминировать все пути и дороги... С 7.00 4.1.43 г. начать наступление, предварительно до рассвета накормить личный состав пищей, иметь сухой паек на одни сутки, приготовить транспорт на движение. Наступление вести: 1-й стрелковый батальон на сел. Илларионовское; 2-й батальон — на шоссе Верхний Курп — Верхний Акбаш; 3-й батальон прикрывает движение наступающих батальонов слева. Мой резерв: рота автоматчиков, химвзвод, пулеметный взвод, дивизион 773-го артполка и батарея 120-мм минометов. Движение уступом за 3-м батальоном с задачей не допустить контратаки противника справа и с тыла. Командир полка Корнеев».

Так началось наступление. Противник отходил в направлении Арика, Майского, Прохладного. Полки дивизии освобождали Верхний Акбаш, Тамбовское, Арик, готовили переправу через Тerek в районе Котляревской и наступали на Прохладный. В бой шли воины, прошедшие серьезный экзамен на боевую зрелость в районе Курских высот. И путь им предстоял нелегкий. До конца войны оставалось почти два с половиной года.

ПЕРВЫЙ САЛЮТ

Сильнее смерти

Под напором наших войск противник отходил на север, маневрируя резервами и оставляя лишь слабые заслоны. Мы шли через разрушенные населенные пункты, вдоль железнодорожного полотна, на котором враг подрывал каждую шпалу, взрывал мосты, уничтожал линии электропередач и телефонной связи.

От Канглов полки дивизии через Ставропольские степи направлялись в сторону Невинномысска. 21 января 1943 года вслед за 347-й стрелковой дивизией вошли мы в Ставрополь. А вскоре дивизия получила задачу: сформировать ударную группу в составе усиленного стрелкового батальона, обеспечить группу необходимым транспортом, перебросить в район станции и станицы Новолександровской, овладеть этим важным опорным пунктом и лишить противника возможности маневра.

Выбор пал на 3-й батальон 761-го стрелкового полка, личный состав которого и составил основу автодесанта.

— Стояли мы тогда в Калиновке,— вспоминал спустя годы участник тех событий Николай Федорович Клименко.— Служил я рядовым бойцом 3-го батальона. Рано утром нас построили. Из штаба дивизии прибыло начальство. Придирчиво осматривало снаряжение каж-

дого, оружие, выправку и даже обувь. Мы так и поняли, что готовится какая-то важная операция, ведь за весь путь от Кабардино-Балкарии мы практически в боях не участвовали. Поэтому каждый тянулся и хотел выглядеть более молодцевато...

Утром 24 января пополненный 3-й батальон, рота автоматчиков, разведвзвод и бойцы батареи 76-миллиметровых пушек были заново построены. Командир 761-го стрелкового полка майор Григорьев и заместитель командира полка по политчасти капитан Скляров приняли рапорт командира батальона Кузнецова о готовности к выполнению боевого задания. Прозвучала команда и бойцы заняли места в машинах. Автодесант двинулся в сторону станицы Новоалександровской.

— В третьем батальоне, нас, нальчан,— продолжал свой рассказ Николай Федорович,— было много. Я хорошо помню Андрея Мануйлова и Ростислава Онуфриева. С ними знаком был еще со школы. Были и другие ребята. Знаю, что старшим в нашей машине ехал командир пулеметной роты лейтенант В. И. Хорошилов. Где-то во второй половине дня мы достигли полотна железной дороги и разделились на две группы. Одна двигалась к железнодорожной станции, другая — к третьему отделению совхоза «Расшеватский»...

В официальных документах так и значилось, что в освобождении Новоалександровской принимал участие усиленный 3-й батальон 761-го стрелкового полка. Но спустя годы выяснилось, что к этой операции привлекались и другие подразделения дивизии. Об одном из эпизодов тех дней и пойдет рассказ ниже.

В дни 40-летия освобождения нашей республики от немецко-фашистских захватчиков в газете «Кабардино-Балкарская правда» была опубликована статья Н. Котлярова «Матери солдат, вдовы солдатские». Внимание мое привлекла та ее часть, где шла речь о фронтовых

письмах Владимира Тюрина. И хотя не упоминалось название соединения, в котором проходила его служба, мне почему-то сразу подумалось, что служил он в нашей 317-й стрелковой дивизии. «...Сейчас нахожусь в армии,— писал Владимир,— на станции Каякент. Из Нальчика мы шли пешком через Беслан, Грозный, Махачкалу. Со мной в одной части много нальчан...»

Сомнений быть не могло. Все, кто прошел этим путем в августе 1942 года, направлялись для службы в 317-ю стрелковую дивизию. Но на всякий случай требовалась проверка. Для этого необходимо было просто просмотреть письма Тюрина. Сохранилось всего три письма и на самом первом вместо обратного адреса значилось: «761-й стрелковый полк, 1-й батальон, 3-я рота».

В упомянутой статье рассказывалось, что Владимир Тюрин со своими сверстниками сражался на Курских рубежах, освобождал от захватчиков родную республику, прошел фронтовыми дорогами через Новоалександровскую до Приазовских плавней и смертью храбрых пал в бою под хутором Куйбышевым.

Когда встретился я с Ксенией Артемовной Тюриной, она с горечью заметила:

— Газета воспроизвела текст извещения в таком же виде, каким оно было мною получено. Однако в нем содержится ошибка: отчество сына указано неверно. Поэтому вначале я и не поверила в его гибель. Послала запрос. Но ответ подтвердил, что погиб мой сын, Владимир Лукич Тюрин. Многих ребят, товарищей его, забрали война...

Стало известно, что после освобождения Нальчика к Тюриным заходил Беник Малинцев. Он служил с Владимиром в одной роте, но расстался с ним еще под Заманкулом. По памяти назвал я несколько фамилий ребят, которые служили и воевали в первом батальоне 761-го стрелкового полка, но Ксения Артемовна никого

из них не знала. Тогда привел я строчки из письма Владимира: «...Здесь Ленька Рязанцев со мной. Семен Чирков и Костя в автоматчиках. Если увидишь маму Коли Переходкина, то скажи ей, что Коля тоже служит в роте автоматчиков».

— Леня Рязанцев? — переспросила она.— Так он погиб. Жили они недалеко от нас. Но, по-моему, их дом снесли. Чирков вернулся с фронта раненным и прожил недолго. Его нет уже в живых. Остальных не помню...

Несмотря на неопределенность сведений о Рязанцевых, я все же решил их разыскать. Сначала нашлись дальние родственники, а с их помощью состоялась встреча с Марией Дмитриевной и Николаем Гавриловичем Рязанцевыми.

— Спасибо, что вспомнили,— голос Марии Дмитриевны невольно дрогнул.— Сын наш рос самостоятельным человеком. Учился в одном классе с Володей Тюриным в первой школе. После семилетки решил получить профессию и поступил в Ростовский техникум железнодорожного транспорта. Сохранилась его зачетная книжка. Учился он очень хорошо. Но война помешала учебе...

Пришлось Алексею вернуться из Ростова в Нальчик, а в августе 42-го его призвали в армию. Дороги войны привели Рязанцева в Ставропольские степи.

— «Похоронку» на сына, — горестно вздохнув, продолжала рассказывать Мария Дмитриевна, — получили мы в сорок третьем. Но только через 30 лет узнали подробности о его гибели. Рассказывать об этом нет сил. Здесь обо всем написано...

Она положила на стол блокнот, на первой странице которого детской рукой было написано: «На память Марии Дмитриевне и Николаю Гавриловичу Рязанцевым от красных следопытов Новоалександровской средней школы № 1».

«Значит, последний бой принял он в Новоалександровской!» — мелькнула у меня мысль.

«...В ночь на 24 января 1943 года,— писали красные следопыты,— в станицу Новоалександровскую была направлена разведка из 14 бойцов. В числе разведчиков находился Ваш сын рядовой Алексей Рязанцев».

Январь сорок третьего года был с оттепелями. С вечера моросил мелкий дождь с крупой. К ночи пошел снег. Приморозило. Все это осложняло передвижение. И все же, хоть и с большим трудом, разведчикам удалось миновать боевое охранение в районе кургана и незаметно приблизиться к совхозной мастерской.

«...Наши бойцы уже достигли цели, но их обнаружили немцы... Внезапно район мастерской был оцеплен и после короткого боя разведчиков пленили. Сначала их повели на допрос в штаб, который размещался в здании правления колхоза. Там зверски избивали и пытали. Но разведчики ничего не сказали. Потом их отвели на территорию совхоза и закрыли в подсобном помещении магазина. И снова начались пытки. Командир отделения разведки был ранен в голову. Чтобы припугнуть остальных, фашисты применили для пыток раскаленное железо и издевались до тех пор, пока он не скончался...»

Нет, так и не удалось врагу выведать у разведчиков, откуда грозит вражескому гарнизону станицы опасность. Сильнее смерти оказалась верность бойцов воинской присяге. Пригрозив расправой, уставшие палачи бросили их в совхозные мастерские.

«Где-то часа в четыре утра,— сообщали следопыты,— двери мастерской распахнулись. На ломаном русском языке было предложено: «Кто хочет жить, пусть скажет, где находятся войска?» Гордым молчанием ответили разведчики на этот вопрос. Тогда раздались пулеметные очереди... Утром новоалександровцы Шестаков и Безверхов обнаружили расстрелянных советских

бойцов и принялись выносить их тела из мастерской. В этот момент послышался шорох. Они осторожно приблизились к тому месту и увидели истерзанного и обессиленного, чудом дожившего до утра солдата. Горько об этом писать, но большинство погибших были очень молоды. Некоторым едва исполнилось семнадцать лет».

После освобождения станицы состоялись похороны разведчиков. Спустя годы через Архив Министерства обороны СССР следопыты разыскали родственников тех, кто покоялся в братской могиле. Пришло письмо и в Нальчик. Новоалександровцы пригласили Марию Дмитриевну на открытие памятника. С благодарностью приняла она его. Побывала у братской могилы, над которой поднялся обелиск. Материнским сердцем прикоснулась к подвигу героев-разведчиков.

Фамилия на обелиске

Историю эту я узнал из статьи журналиста Марлена Крюкова, которая была опубликована 29 июля 1960 года в газете «Правда». Но тогда и предполагать не мог, что имела она какое-то отношение к нашей 317-й стрелковой дивизии. Это выяснилось значительно позже. Суть этой истории в следующем.

Не получив сведений от разведки, командир З-го батальона Кузнецов решил, рассчитывая на приближающиеся сумерки и внезапность, с двух направлений атаковать противника в Новоалександровской. Как выяснилось позже, там размещалось до двух батальонов пехоты противника, минометная рота и несколько бронетранспортеров. Для разгрома такого гарнизона сил было явно недостаточно. Но сигнал о начале атаки прозвучал, батарея сделала залп, и бойцы ворвались в станицу. Вначале наступление развивалось успешно. Потом против-

ник бросил против атакующих бронетранспортеры с автоматчиками. Уже в темноте начался отход батальона на юго-восточную окраину станицы. Трудно сказать, как закончился бы этот бой для батальона, если бы не подоспела помощь главных сил. К утру станица и железнодорожная станция Новоалександровская были полностью очищены от врага. В этой операции участвовали бойцы двух стрелковых полков дивизии. В оперативной сводке говорилось, что противник потерял до 450 солдат и офицеров, захвачены большие трофеи: автомашины, мотоциклы, несколько вагонов с патронами, снарядами и боевой техникой...

С почестями были преданы земле павшие смертью храбрых в этом бою бойцы и командиры дивизии.

Прошли годы. Благодарные жители Новоалександровской на месте братской могилы воздвигли памятник. А следопыты в ту пору восьмилетней школы решили узнать имена героев, погибших при освобождении станицы. Через Архив Министерства обороны СССР был получен список погибших. Их фамилии занесли на памятный обелиск. И пошли письма во многие уголки страны к родственникам.

Одно из таких писем пришло в станицу Котляревскую КБАССР Анастасии Егоровне Ерохиной. Пионеры сообщали, что среди имен, занесенных на обелиск, значится имя и ее сына — Николая Васильевича Ерохина. Они про-

Н. В. Ерохин

сили прислать фотографию воина, подробнее рассказать о нем, если сохранились фронтовые письма, то выслать их в адрес школы. Что могла ответить Анастасия Егоровна? Ведь сын ее вернулся с войны. Произошла какая-то ошибка!? Об этом и написал Николай Васильевич пионерам. Об этом случае и рассказал Марлен Крюков на страницах «Правды».

Несколько раз встречался я с Николаем Васильевичем и в Котляревской и в Нальчике. И он рассказывал о случившемся так. Когда противник начал теснить батальон, а Ерохин командовал отделением, то, чтобы не дать противнику выйти на фланг, с несколькими бойцами удерживал он перекресток двух улиц. В этот момент группа автоматчиков с бронетранспортера ударила им в тыл. Пришлось ползком уходить через улицу под прикрытие большого дома. Дом был в двух шагах, когда получил он удар в голову и упал лицом вниз. Сознание потерял сразу. Очнулся от того, что его голову кто-то приподнял. Отходившие из станицы бойцы увидели окровавленное лицо, лужу крови и, решив, что Ерохин уже мертв, взяли его красноармейскую книжку. Сколько находился в забытье, он не помнит. Знает только, что совсем недалеко на снегу лежало еще два наших бойца, но не было никаких сил до них доползти. Вечером его почти бездыханного подобрала женщина, которая услышала стоны.

Потом был госпиталь. Вновь воевал. Снова был ранен. После войны вернулся в родной колхоз и стал механизатором. А о том, что его фамилия могла где-то стоять на обелиске, и думать не мог. Конечно, не оставил без ответа письмо следопытов Николай Васильевич. Быстро собрался в дорогу и вместе с женой побывал теперь уже в городе Новоалександровске. Познакомился со всеми, кто так свято чтит память освободителей. Собственноручно «снял» свою фамилию с обелиска.

Дважды в Котляревскую приезжали следопыты, чтобы посмотреть места, где живет и трудится человек необычной судьбы. А он все эти годы занимался мирным делом — пахал, сеял, убирал урожай. Стал уважаемым в станице человеком. К боевым наградам привилась медаль «За трудовую доблесть» и звание почетного колхозника. На доме Ерохина металлическая табличка, на которой надпись: «В этом доме живет почетный колхозник колхоза «Красная нива» Николай Васильевич Ерохин». Такова судьба ветерана 3-го батальона 761-го стрелкового полка, участника боя за Новоалександровскую.

Герои живут рядом

В 1977 году республиканским издательством «Эльбрус» была выпущена в свет книга В. Н. Спиридонова и И. А. Савинкина «Рожденный в битве за хлеб» о зерносовхозе «Прималкинский» Кабардино-Балкарской АССР. История хозяйства — это сотни судеб тружеников его. Среди лучших людей зерносовхоза в книге названо имя и Петра Иосифовича Бельчакова, чей трудовой стаж ныне составляет полвека. Еще в ноябре 1932 года впервые вывел он трактор на совхозное поле. А о том, что Петр Иосифович наш однополчанин по 317-й стрелковой дивизии, сообщил мне ветеран зерносовхоза, активный участник войны Григорий Владимирович Дзюба.

Г. В. Дзюба

— Вы знаете,— взволнованно говорил он при встрече,— Бельчаков удивительно скромный и трудолюбивый человек. О таких, как он, песни слагать нужно. В годы войны, как механизатор, Петр Иосифович имел бронь от призыва. Когда возникла опасность оккупации зерносовхоза, он принял самое активное участие в эвакуации техники и материальных ценностей хозяйства, потом сдал свой трактор и ушел в армию. Мы с ним служили в 571-м стрелковом полку 317-й стрелковой дивизии. Только он был в пулеметной роте первого батальона, а я в другом подразделении. Боевое крещение приняли под Малгобеком...

Любимцем роты был их командир — старший лейтенант Николай Седов. У него учились владеть оружием, бить захватчиков, освобождать родную землю.

Мне довелось встречаться с Петром Иосифовичем Бельчаковым, слушать его воспоминания. Невольно хотелось узнать, какое событие больше всего запало в память.

— Что запомнилось больше всего? — он задумчиво взглянул на меня и продолжил: — Памятного много. Обо всем не расскажешь. Но, пожалуй, самым тяжелым испытанием не только для меня, но и всего нашего батальона оказался бой под Еремизино-Борисовской, что недалеко от Тихорецкой. До последних дней считал, что вряд ли удастся встретиться хоть с одним живым участником того боя. Но они есть. Это и Арон Ифраимов из Нальчика, и наш пулеметчик Михаил Кантемиров...

Михаил Иванович Кантемиров, экскурсовод областного совета по туризму и экскурсиям, не может без волнения вспоминать события тех дней.

— Наступление нашего батальона,— рассказывал он,— началось утром 27 января 1943 года. Ничто не предвещало беды. Мела поземка. Идти было трудно. В походной колонне мы растянулись по узкому оврагу,

и никто из нас не смотрел по сторонам, никто не ожидал опасности. Видимо, враг на это и рассчитывал. Он позволил втянуться главным силам батальона в лощину, а затем нанес удар...

Батальон попал в засаду. С высот по флангам ударили пулеметчики и минометчики, ударила вражеская артиллерия и выдвинулись танки и бронетранспортеры. Николай Седов скомандовал пулеметчикам рассредоточиться в неглубоком овраге и приготовиться к бою. Расчет Бельчакова занял огневую позицию почти на вершине небольшой возвышенности, где одиноко стояли три деревца. Снег был неглубоким. Хорошо просматривалась часть лощины. Там залегли стрелковые роты. И вдруг прямо на их огневую точку из-за косогора выскочил вражеский бронетранспортер с автоматчиками.

— Бельчаков, выручай! — только и успел крикнуть Седов.

— Мы открыли огонь, — вспоминает Михаил Иванович Кантемиров, — и вдруг все померкло. Три пули: одна сквозная в живот, в руку и в голову — сразили меня. Вряд ли в пылу сражения товарищи по оружию думали, что я выживу. Бой для меня кончился...

Бельчаков хлестнул пулеметной очередью по бронетранспортеру. Грохнул взрыв противотанковой гранаты. И уцелевшие фашистские автоматики ползком начали спасаться от дружного огня пулеметчиков.

Но слишком неравными оказались силы. Противник бросил против батальона танки. И хотя удалось подбить два танка и нанести большой урон противнику в живой силе, сто семь бойцов первого батальона погибли в этом бою. На восточной окраине Еремизино-Борисовской над братской могилой высится обелиск. У подножия его всегда венки и живые цветы. Почтить память героев приходят жители станицы, приезжают ветераны войны.

П. И. Бельчаков

— До сих пор удивляюсь, — говорит Петр Иосифович, — как в той «мясорубке» наш командир роты сумел вывести пулеметчиков. Несколько позже довелось мне стать свидетелем геройской смерти старшего лейтенанта. Шел бой за станицу Степную. Пулеметная рота наступала по льду Бейсугского лимана, когда противник совершил артиллерийский налет и пошел в контратаку. Разрывом мины старшему лейтенанту Седову оторвало обе ноги. Лежа на льду, истекая кровью, он до самой смерти продолжал руководить боем. Чем-то он всегда напоминал нам Павку Корчагина...

Мой собеседник умолк. Воспоминания о боевых друзьях, которые остались на фронтовых дорогах, всегда бередят душу.

Весной сорок третьего года 317-я стрелковая дивизия принимала участие в боях на «Голубой линии». Уже за Крымской в районе Сопки Героев пулеметчик Бельчаков был тяжело ранен. За мужество в боях в Прикубанье его наградили орденом Славы III степени. Из госпиталя выписался на костылях. О фронте и думать не приходилось. Вернулся в родной зерносовхоз. А там уборка. Механизаторов не хватало. Сел за штурвал комбайна и почти тысячу гектаров хлеба убрал за первый сезон. Даже не думал об отдыхе. В числе первых механизаторов зерносовхоза в 1946 году Бельчаков удостоен был награды — ордена Трудового Красного Зна-

мени. За высокие производственные показатели награждался медалями Выставки достижений народного хозяйства. А за успехи, достигнутые во Всесоюзном социалистическом соревновании, и проявленную при этом трудовую доблесть Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1971 года Петр Иосифович Бельчаков награжден орденом Октябрьской Революции.

Кавалер боевых наград, участник боев под Курпом и на «Голубой линии», в Крыму и Прибалтике, коммунист Григорий Владимирович Дзюба пятьдесят два года отдал нелегкому хлеборобскому труду, возглавляя отделение зерносовхоза «Прималкинский», а с 1963 года — в племсовхозе «Прохладненский». Не может и теперь без дела сидеть дома, работает мотористом насосной станции, подает живительную влагу на поля родного хозяйства.

Так рядом с нами живут и трудятся ветераны минувшей войны, ветераны труда.

Сообщение Совинформбюро

Еще с довоенных лет знаком я с Владиславом Коломацким. В дни нашей юности очень популярными были спортивные соревнования любого ранга. Помнится, что на площадке у входа в городской парк почти ежедневно шли сражения волейбольных команд, которые зачастую формировалась прямо из зрителей. Интерес к таким состязаниям собирали толпы народа. Нам, школьникам, очень льстило, если взрослые брали нас в свою команду. На спортивной площадке произошло мое первое знакомство с Коломацким. Потом встречались во Дворце пионеров, в парке, на речке. Даже весть о войне многие из нас встретили здесь, у городской площадки, так как недалеко на высоком столбе помещался громкоговори-

тель. Вскоре в здании средней школы № 1, где учился Владислав, открыли стационарный госпиталь, а коллектив учащихся и учителей перевели в нашу, пятую школу. Произошло смешение двух ученических коллективов. Я оказался в выпускном классе первой школы, так мы с ним и стали товарищами по школе. Потом вместе шли до Махачкалы. Вместе оказались в 317-й стрелковой дивизии. Владислав со своим одноклассником Виктором Коваленко служил в 8-й роте 3-го батальона 761-го стрелкового полка.

Теперь стало известно, что их однополчанами стали многие наши земляки, вчерашние школьники: Андрей Мануйлов и Ростислав Онуфриев, Иван Абуданов и Ахмед Шахманов, Евгений Львов и Геннадий Чижевский, Георгий Полянский и Андрей Сабецкий, Михаил Кузнецов, Леонид Мирзоев и многие другие. Выпавшие на их долю испытания ребята встретили мужественно. Почти каждому пришлось потерять друга.

— Передать словами это невозможно,— говорил спустя годы Владислав Коломацкий.— Когда погиб Виктор Коваленко, я места себе не находил. На душе такая тяжесть. Все думалось, что погиб он по моей вине. А ведь сколько довелось потом видеть смертей. Но, видно, первая потеря самая острая...

В боях в районе Заманкула смертью храбрых пали Георгий Полянский, по ранению и болезни выбыли Беник Малинцев, Михаил Кузнецов, Игорь Усатов и другие.

— Но большинство ребят,— продолжал мой собеседник,— прошло проверку на прочность в оборонительных боях, а потом учились бить врага в наступлении. Для меня очень памятны события наступательных боев на Тихорецк. После взятия Новоалександровской — это вторая наступательная операция, в которой мне и моим товарищам довелось принимать участие.

Скупы строки официальных документов. Вторая

стрелковая рота вела наступление на Тихорецкий совхоз, третья — на станицу Казачье-Борисовскую, их батальон — на железнодорожную станцию. В Архиве Министерства обороны СССР сохранились наградные документы на участников тех боев. Приведу только две выдержки из них. «Абуданов Иван Михайлович, 1923 г. рождения, член ВЛКСМ, русский, призывался Нальчикским горвоенкоматом, красноармеец 2-й стрелковой роты 761-го полка. При наступлении на гор. Тихорецк, будучи посланным в разведку, попал под сильный огонь противника, несмотря на смертельную опасность, выявил огневые точки врага и своевременно доложил командиру. В результате полученных сведений рота легко продвинулась вперед и без потерь овладела Тихорецким совхозом». Награжден медалью «За боевые заслуги».

«Шахманов Ахмед Бекирович, 1924 г. рождения, балкарец, призывался Нальчикским горвоенкоматом, наводчик ручного пулемета 3-й стрелковой роты 761-го полка. 30.1.43 года в бою за станицу Казачье-Борисовскую под сильным огнем противника устранил задержку ручного пулемета, обрушил на врага огонь и мужественно вел себя при атаке на гор. Тихорецк». Награжден медалью «За боевые заслуги».

Вспоминая события боя за Тихорецк, Владислав Павлович Коломацкий невольно коснулся еще одной детали.

В. П. Коломацкий

Этот бой особенно ламятен потому, что впервые в сообщении Совинформбюро было сказано о нашей дивизии.

Действительно, сообщение Совинформбюро гласило: «30 января войска Северо-Кавказского фронта в результате решительной атаки овладели городом и крупным железнодорожным узлом Тихорецк. Первыми ворвались в Тихорецк соединения полковника Шварева». В ходе боев на тихорецком направлении и за город 317-я стрелковая дивизия уничтожила до 1000 фашистских солдат и офицеров, захватила 675 автомашин, 120 мотоциклов, 6 танков, 15 тягачей, 14 орудий, 37 минометов и много другого военного имущества.

— Это был бой под сплошной фейерверк,— вспоминал Коломацкий.— Дело в том, что во время нашей атаки на станцию, а мне помнится, что полк наш шел первым, или летчики, или сами немцы взорвали склад или состав ракет. Небо разукрашено было разноцветными трассами ракет. Какой-то молодецкой удалью веяло от атаки. Мы шли в полный рост. Всюду слышались автоматные и пулеметные очереди. Впервые так близко мы видели трусливо убегающих фашистов. Горели составы с пшеницей, взрывались какие-то цистерны и баллоны. А мы смело шли вперед. И была в этом первая большая уверенность в нашей победе...

У самой границы станции под парами стоял паровоз. Гитлеровцы заметили наших бойцов. Быстро набросали сена вокруг и зажгли, пытаясь прикрыть дымовой завесой свой отход. Но бойцы бросились им наперерез, захватили бригаду из четырех человек, которые должны были вывести состав со станции, а в одном из вагонов захватили в плен 20 фашистов. Эшелон из 43 вагонов с грузом врагу так и не удалось увести.

Вскоре наступавшие цепи пошли на город. Остатки вражеского гарнизона вынуждены были спасаться бег-

ством. В этих боях отличились пулеметчики Владимир Ивашин, Михаил Матиенко и Михаил Найда, бойцы 8-й роты Николай Клименко и Владислав Коломацкий, 3-й роты — Андрей Сабецкий и Юрий Воробьев, многие бойцы и офицеры других подразделений полка и дивизии. Взятие Тихорецка — большая победа воинов соединения, которым предстоял долгий путь по нелегким фронтовым дорогам. И те, кто остался в строю, с гордостью говорили, что в их честь прозвучала по радио и была опубликована победная сводка Совинформбюро об освобождении Тихорецка. Тогда еще не было салютов, а то он обязательно состоялся бы.

Я хорошо помню, что из Гриденской в марте 1943 года большую группу ребят из нашей дивизии направляли в военные училища. Владислав Коломацкий должен был учиться в воздушно-десантном. Но пока они добрались до места назначения, училище расформировали, а несостоявшихся курсантов направили в десантные войска. В нескольких операциях пришлось участвовать моему товарищу по школе. Орден Славы III степени, медаль «За отвагу» и другие боевые награды украсили его грудь. Много лет после войны трудился Владислав Павлович Коломацкий в органах государственной безопасности, удостоен звания «Почетный чекист». Но когда заходит разговор о нашей юности, войной опаленной, ему чаще всего вспоминается фейерверк над станцией Тихорецк и радостное сообщение Совинформбюро.

Гарбузовая балка

В Нальчике живет ветеран 1-го батальона 761-го стрелкового полка, кавалер орденов Отечественной войны I степени и Красной Звезды Георгий Семенович Рабаев. Ему хорошо памятны события начала февраля

1943 года. После освобождения Тихорецка, совершив утомительный марш в направлении Бейсугского лимана, по труднопроходимым лиманам и камышам дивизия вышла к Малому Бейсугу.

— Числа 5 декабря, — рассказывал Георгий Семенович, — мы вышли к Гарбузовой балке и в темноте во рвались в станицу. Бой продолжался всю ночь...

Противник был обеспокоен выходом 317-й стрелковой дивизии на его тыловые коммуникации. Из района Рогачи — Верхние Воды на боевые порядки 761-го стрелкового полка он бросил несколько танков и пехоту. Атака была отбита, и враг отступил к хутору Челюскинец. К концу дня 606-й и 571-й стрелковые полки овладели Рогачами и сел. Малый Бейсуг. 761-й полк продолжал наступление на хутор Челюскинец. 7 февраля в трех километрах юго-западнее Рогачей главные силы полка контратаковали 40 танков и 10 автомашин с пехотой противника.

— Пришлось нам занять круговую оборону, — вспоминал Рабаев. — Противник стремился во что бы то ни стало окружить и уничтожить наш полк. В той обстановке образцы бесстрашия проявляли приданые нам артиллеристы из противотанкового дивизиона. Они вступали в единоборство с танками, поставив орудия на прямую наводку. Вряд ли я смогу назвать тех, кто отличился в том бою. Многие мои однополчане заплатили жизнью за то, чтобы не пропустить врага...

Тогда же Георгий Семенович Рабаев получил ранение и из дивизии выбыл.

Сохранились документы, подтверждающие несгибаемое мужество и героизм воинов полка — наших земляков. Только 7 февраля 1943 года враг потерял 7 танков и 5 автомашин.

Из наградных листов: «Помощник командира взвода 3-го стрелкового батальона сержант Мануйлов Анд-

рей Федорович за проявленное в бою мужество и за уничтожение 2 солдат и одного вражеского офицера под Гарбузовой балкой 7.2.43 г. награждается медалью «За отвагу». «Матиенко Михаил Иванович, 1924 г. рождения, русский, призывался Нальчикским ГВК, красноармеец 2-й стрелковой роты, 8.2.43 г. при танковой атаке врага действовал смело и решительно. Когда ранило красноармейца Найда М. И., он вынес его с поля боя вместе с оружием, а сам вернулся обратно и интенсивно вел огонь по противнику, держался стойко и мужественно, своим примером воодушевляя

других на подвиги. Награждается медалью «За отвагу». Командир 761-го стрелкового полка подполковник Ю. Г. Графский. 11.2.43 г.».

Ныне Михаил Иванович Матиенко работает механиком Кабардино-Балкарской комплексной геологической экспедиции. Его фронтовой друг М. И. Найда после ранения стал инвалидом войны, живет в Крыму.

«...Мне известно,— писал Николай Владимирович Иванов из Грозного,— что в 761-м стрелковом полку немало воевало нальчан. Был один такой парнишка и в моем расчете полковой батареи 45-мм орудий. Худощавый, небольшого роста, русоголовый и голубоглазый. Все мы звали его Чижиком. Это от фамилии — Чижевский. Был он отличным ездовым. У нас батарея была на конной тяге. Помню, как ворвались мы на хутор Че-

М. И. Матиенко

люскинец, а потом наступали на хутор Куйбышев. Там нас контратаковал противник. Чижик успел наше орудие вывезти на лед лимана так быстро, как никто из батареи. Я помню, что мы сделали несколько выстрелов и один из танков начал отползать с дымным шлейфом. И вдруг взрыв страшной силы разметал наш расчет. Последнее, что запомнилось: Чижик с гранатой в руке и движущееся на наше орудие бронированное чудовище с крестами на боку. Пулеметной очередью меня ранило. Орудие танк раздавил. С поля боя меня вынес старшина батареи Григорьев. От него я узнал, что в том бою смертью храбрых погиб Геннадий Чижевский...»

И снова отрывки из наградных документов:

«Онуфриев Ростислав Григорьевич, 1925 г. рождения, член ВЛКСМ, русский, призывался Нальчикским ГВК, стрелок 3-го батальона. 8.2.43 г. при наступлении на Гарбузовую балку, будучи посланным в разведку, при встрече с противником лично сам убил немецкого офицера и двух солдат противника». Награжден медалью «За отвагу».

«Шубкин Василий Александрович, 1924 г. рождения, русский, призывался Майским райвоенкоматом, наводчик миномета 3-го батальона, в бою уничтожил из миномета 20 вражеских солдат и подавил станковый пулемет противника». Награжден медалью «За отвагу».

Смертью храбрых в бою под хутором Куйбышевым в районе Гарбузовой балки пал наш земляк из Майского района Иван Иванович Токарев.

Бережно собирают свидетельства о боевом пути 317-й стрелковой дивизии и ее воинах из Кабардино-Балкарии в Нальчикском политехническом техникуме. Среди реликвий, которые экспонируются в экспозиции, есть документы и фотографии многих участников боев под Гарбузовой балкой и хутором Куйбышев.

Встреча

По решению Совета ветеранов 317-й стрелковой дивизии в 1980 году была образована авторская группа, которой поручалось собрать материал по истории боевого пути дивизии и воспоминания ее ветеранов. От нашей республики в эту группу входил журналист, собственный корреспондент газеты «Кабардино-Балкарская правда» по Прохладненскому району, Геннадий Иванович Фенев. О том, что служил он и воевал в 317-й дивизии, узнал я после радиопередачи, посвященной 35-летию изгнания немецко-фашистских захватчиков из Нальчика. Меня пригласили принять участие в этой передаче, и я только упомянул о том, что немало земляков наших сражалось на Курских рубежах в грозном 1942 году в составе 317-й стрелковой дивизии. К сожалению, тогда назвать их имена я не мог, так как не располагал такими сведениями.

— А знаете,— в тот же день позвонил Геннадий Иванович,— мне тоже довелось воевать в 317-й дивизии. Да не только мне. Человек шестьдесят, если не изменяет мне память, прохладненцев пришло в августе сорок второго года в дивизию.

Мы договорились об обмене известной нам информацией о судьбах однополчан и начали подготовку к первой встрече ветеранов дивизии, проживающих на территории Кабардино-Балкарии. Благодаря кропотливой работе Геннадия Ивановича стали известны имена многих наших сослуживцев. Он знал немало ярких эпизодов из боевых биографий земляков. Его память хранила подробности событий грозных дней войны с такой отчетливостью, что порой приходилось только удивляться. Не возможно забыть, с каким старанием помогал он матери Геннадия Ушколова, своего одноклассника по Прохладненской средней школе № 8, а позже однополчанина по

Л. Ф. Попов

держивал связи с Виктором Виноградовым и Петром Кондратенко. Но потом переписка прервалась. Несколько слов о себе. Во время боев за станицу Степная 8 февраля 1943 года я был тяжело ранен. После длительного лечения получил пожизненную инвалидность и был отчислен из армии. Фенева хорошо помню...»

Мне остается только добавить, что Леонид Федорович Попов награжден орденом Красной Звезды и многими медалями. Несмотря на последствия тяжелого фронтового ранения, успешно работает председателем исполкома Гороховецкого городского Совета народных депутатов Владимирской области.

Мне неизвестно, какие материалы успел собрать Геннадий Иванович. Откровенно говоря, я откладывал встречу с ним до лучших времен, когда, казалось, будет посвободнее. Надеялся уточнить многое из накопивше-

277-му отдельному истребительно-противотанковому дивизиону 317-й стрелковой дивизии, найти место захоронения сына, погибшего за несколько дней до нашего наступления на Верхний Курп.

Вместе с Г. И. Феневым из Прохладного призывался Леонид Попов и служил первым номером расчета ПТР в роте противотанковых ружей 277-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. «...В нашем дивизионе,— пишет он из города Гороховца,— не один десяток ребят был из Прохладного. Многие из них погибли. Долгие годы я под-

гося и хотел больше узнать о самом Феневе. Но никак не ожидал, что коварная болезнь так рано вырвет из ветеранских рядов нашего товарища. С ним ушли многие задумки, с ним ушли факты, о которых уже никто не расскажёт. Все это еще раз подтвердило мысль о том, что не следует откладывать с записями воспоминаний ветеранов. Можно опоздать...

И все же об одном эпизоде, который мне довелось слышать от Геннадия Ивановича, не могу не рассказать.

Как только пришла весть о войне, глава семейства, Иван Платонович Фенев, был мобилизован в армию и направлен на краткосрочные курсы командного состава. Ему уже довелось испытать горечь отступлений и потерю боевых друзей, когда пришел черед нести службу сыну Геннадию.

В октябре сорок второго года 317-я стрелковая дивизия вышла на рубеж: Заманкул — Курпские высоты — Малгобек. Младший Фенев немало удивлялся письму отца, который описывал фронтовую ситуацию, очень похожую на ту, в какой находился сын. Но тогда он и предполагать не мог, что были они с отцом в одной дивизии. Даже когда 317-я стрелковая дивизия перешла в наступление и вошла в их родной Прохладный, так и не суждено было им встретиться. Будучи командиром взвода 571-го стрелкового полка, лейтенант Иван Платонович Фенев заходил домой на три часа раньше сына. Дома никого не было. Жена находилась в эвакуации. Поэтому старший Фенев заглянул к соседям, попросил их на случай встречи с женой или сыном сообщить, что он жив и наведывался домой, и в тот же день вместе со своим взводом выступил в сторону станицы Солдатской. А Геннадий вошел в Прохладный во второй половине дня и вместе с комбатом Кращенко заходил домой. Соседи обрадовались встрече с ним и рассказали о том, что со-

всем недавно в Прохладном был отец. А где его искать теперь, никто не знал.

— Пожалев о случившемся,— рассказывал Геннадий Иванович,— мы с комбатом решили зайти к Ушкаловым. Когда мать моего школьного друга увидела нас, она только руками всплеснула, прижала их к груди и медленно опустилась на стул. Все было понятно без слов. Ведь мы уходили вдвоем, а вернулся я один. В ту же ночь дивизия вышла в направлении Георгиевска. Фактически только за Ставрополем мы попали в первый эшелон и снова встретились с противником...

От Тихорецкой путь лежал к Приазовским плавням. Враг оказывал яростное сопротивление, понимая, что выход наших войск к Азовскому морю изолирует его Таманскую группировку от всего фронта. И все же удержать станицу Степную, последний опорный пункт на пути к Бейсугскому лиману, противник так и не смог.

— Было это в первой половине февраля сорок третьего года,— продолжал свой рассказ Фенев,— ночи стояли морозные. После взятия станицы Степной комбат послал меня с товарищем в качестве квартирьеров в станицу. Надо было подыскать место для ночлега батареи. Мы прошли немалое расстояние, но в каждом доме было полно наших бойцов. Уже на самой окраине, заглянув в один из домов, потерял дар речи. Даже при слабом освещении коптилки узнал я своего отца мирно беседующего с бойцами. К счастью, соседний дом оказался свободным. Мой напарник пошел доложить комбату об этом. А мы с отцом всю ночь проговорили. И только здесь, к немалому удивлению для обоих, выяснили, что уже почти полгода служим и воюем в 317-й стрелковой дивизии!..

К сожалению, встреча отца с сыном в станице Степной была последней. Утром подразделения 571-го стрелкового полка выступили в направлении хутора Куй-

бышева, а позже сражались на окруженному хуторе Лебеди. В том бою смертью храбрых пал командир стрелкового взвода лейтенант Иван Платонович Фенев. Сыну же пришлось пройти через испытания нелегких боев в плавнях, штурмовать Крымскую, наступать в направлении станицы Киевской. Там, получив тяжелое ранение, выбыл артиллерист Геннадий Иванович Фенев из 317-й стрелковой дивизии. Среди фронтовых реликвий бережно хранил ветеран комсомольский билет, который вручили ему на Курских рубежах, и красноармейскую книжку. В дни напряженных боев марта 1943 года дивизионная партийная комиссия утвердила решение партийной организации 277-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона о приеме Геннадия Ивановича Фенева кандидатом в члены партии. Мне остается добавить только, что до последнего вздоха трудился ветеран дивизии на журналистском поприще, отдавая все свои силы и знания, весь жар своего сердца, всю страсть коммунистической убежденности нашему общему делу укрепления экономической мощи социалистической Родины.

Бой за хутор Лебеди

В начале февраля 1943 года благодаря численному превосходству своей авиации противник сумел в отдельных местах замедлить наступление наших наземных войск. Бои стали носить локальный характер за отдельные станицы и хутора. Об успешных действиях 317-й стрелковой дивизии в тот период хорошо рассказано в книге «Битва за Кавказ» Маршала Советского Союза А. А. Гречко. Известно, что с 9 по 13 февраля 1943 года дивизия вела упорные бои за станицу Степную и хутор Куйбышев.

Н. Т. Жердиенко

— Наши цепи залегли,— вспоминал годы спустя автоматчик полка Прокофий Степанович Ломако из Прохладного.— Мы несли большие потери, и в лоб хутор Куйбышев нам взять не удалось. В те дни я был связным Командира полка полковника Н. Т. Жердиенко и хорошо помню, как он приказал стянуть главные силы на северо-западную окраину хутора и наступать через Кирпильский лиман...

Противник не ожидал удара со стороны топкого, труднопроходимого лимана. Все попытки оказать организованное сопротивление успеха не имели. Первыми на хутор ворвались бойцы 2-го батальона. В том бою отличились многие воины. Враг поспешно отступил, оставил на поле боя десятки убитых солдат. В качестве трофеев было захвачено пять самоходных орудий, семь автомашин, много пулеметов и автоматов.

По данным разведки было известно, что противник силою до 100 машин с пехотой и артиллерией отошел к хутору Куйбышев, взорвав за собой мосты у переправ через реку Кирпили, и занял там оборону. 571-й полк получил задачу выбить гитлеровцев из хутора Куйбышев, а затем наступать на хутор Лебеди.

Утром 12 февраля после короткой артиллерийской подготовки полк двумя батальонами со средствами усиления начал наступление на хутор. Противник открыл по наступавшим сильный огонь из орудий, минометов и пулеметов.

В 7 часов утра 13 февраля полк начал движение к хутору Лебеди. Развернувшись с марша, батальоны полка начали наступление на северо-западную окраину хутора. Продвигаться приходилось через топкий лиман, лед на котором был разбит артиллерией и минометами противника. На руках перетаскивали бойцы в камышах минометы и орудия. Для противника наше наступление не было неожиданным. Поэтому он обрушил на наступавших огонь из всех видов оружия и заставил бойцов на цепный день засесть в камышах лимана.

Наступила ранняя февральская ночь. Противник не-прерывно освещал ракетами местность и все лощинки простреливал пулеметным огнем. Ожидать рассвета не было смысла. Около часу ночи 2-й батальон старшего лейтенанта Мамедова пошел в атаку и скоро завязал бой на окраине хутора Лебеди. Неожиданный удар внес панику в ряды гитлеровцев. В это время перешли в атаку остальные подразделения полка. На хуторе разгорелась ожесточенная схватка. Бой продолжался до утра. К 8 часам 14 февраля хутор Лебеди был очищен от врага. Но гитлеровцы не могли примириться с потерей этого важного опорного пункта их обороны почти на самом берегу Азовского моря и, сосредоточившись, перешли в контртакту. Советские бойцы встретили врага мощным огнем. Вся артиллерия дивизии поддерживала бойцов 571-го стрелкового полка. Первая контртакта врага захлебнулась.

Озлобленные неудачей, гитлеровцы после перегруппировки пошли в новую атаку, стремясь оттеснить соседний 606-й стрелковый полк и ударом с фланга окружить хутор. Врагу удался этот маневр. Полк оказался в окружении. В течение двух суток отрезанный от основных сил дивизии полк удерживал небольшой кубанский хутор. За это время советские воины отбили шесть яростных атак значительно превосходящих сил противника. На

Н. В. Кубатько

150 пленными. Были уничтожены две артиллерийские батареи, восемь танков, захвачено много орудий и минометов. За мужество и отвагу, проявленные в боях у хутора Лебеди, 143 солдата и офицера полка были награждены орденами и медалями, а командир полка полковник Н. Т. Жердиенко удостоен ордена Красного Знамени.

Бой за хутор Лебеди памятен для многих наших земляков. В самой гуще событий находились автоматы Михаил Володкин и Прокофий Ломако, а также бойцы Николай Клименко и Николай Кубатько. Хоть и призывались оба они из Нальчика в один день и даже служили в одном 761-м полку, но познакомились после боя за Лебеди при несколько необычных обстоятельствах. Дело в том, что 14 февраля 1943 года во время атаки внешнего кольца окружения Клименко и Ку-

отражение атак были брошены все силы, вплоть до ездовых, связных, поваров. Тыловые подразделения полка под командованием начальника штаба полка майора Пащенко отбили одну из самых мощных атак гитлеровцев, пытавшихся захватить мост при въезде в Лебеди.

На третий день на выручку полку пришли 606-й и 761-й стрелковые полки. Гитлеровцы были отброшены в юго-западном направлении. В двухдневных боях врагу был нанесен серьезный урон. У хутора Лебеди противник потерял убитыми и ранеными 200 человек,

батько получили тяжелые ранения и оказались в передвижном эвакогоспитале на хуторе Челюскинец. Обстановка в госпитале известная: после первоначальной сортировки определяется очередность на операции или на дальнейшую эвакуацию. Случилось, что койки оказались рядом. Разговорились. Выяснили, что оба из Нальчика. Немало удивлялись. Начали вспоминать общих знакомых по городу — нашлись и такие. Обоим предстояло долго лечиться. Поэтому, когда восстановлена была железная дорога до Краснодара, вместе отбыли в стационарный госпиталь в Махачкалу. Только оттуда дороги их разошлись.

Николай Васильевич Кубатько служил пулеметчиком в 77-й и 370-й стрелковых дивизиях, а закончил войну в 439-й отдельной разведроте 370-й стрелковой дивизии на 1-м Белорусском фронте. Награжден солдатским орденом Славы III степени, медалью «За отвагу» и другими медалями.

А Николаю Федоровичу Клименко довелось после госпиталя участвовать в боях под Новороссийском, быть в огне ожесточенных боев лета и осени сорок третьего года. Тяжелое ранение надолго вывело его из строя. Сейчас Николай Федорович живет и трудится в Нальчике.

Н. Ф. Клименко

Политруки

В 1942 году Эльмурза Ширович Хатшуков, Хазут Машевич Хутов и Магомед Карамашевич Эльчепаров закончили краткосрочные курсы политсостава в Тбилиси. Их аттестовали, присвоили звание младших политруков и направили в воинские части. Земляки из Кабардино-Балкарии получили назначение в 317-ю стрелковую дивизию, которая заканчивала переформирование в Дагестане и готовилась выступать на фронт. Политруками рот стали: Хатшуков в 571-м, Хутов в 761-м и Эльчепаров в 606-м стрелковых полках.

Когда дивизия заняла боевые рубежи на переднем крае, им посчастливилось в ноябре 1942 года встретиться в политотделе дивизии в сел. Старый Батакоюрт. Ка-залось, целая вечность прошла с тех пор, как расстались они.

— Какой участок фронта нам доверили! — улыбаясь говорил Эльмурза Ширович.— Половину Северного Кавказа прикрываем. Действительно, Хазут со своим полком не пускает фрицев в Северную Осетию. Ты, Магомед, самый счастливый, воюешь на земле нашей родной республики. А мне с 571-м полком поручили прикрывать подступы к Чечено-Ингушетии...

— Время было очень трудным,— вспоминал через годы Магомед Карамашевич.— Враг еще не оставлял мысли захватить Сталинград, прорваться к грозненской и бакинской нефти, “выйти через Орджоникидзе в Грузию. Нелегко сражаться; когда знаешь, что враг бесчинствует в твоем доме. Поэтому даже нам, призванным вселять уверенность в сердца бойцов и командиров в победе Красной Армии, по душе пришелся оптимизм нашего друга. Я помню, что в ту ноябрьскую ночь мы долго говорили, вспоминая общих знакомых по республике и

надеясь на скорое изгнание захватчиков с родной земли...

Но до освобождения Кабардино-Балкарии еще не раз каждому из них довелось поднимать в атаку свою роту, выскакивать из окопа навстречу свинцовому вихрю ружейно-пулеметного огня, преодолевать нелегкие метры до вражеских окопов сквозь сплошную завесу разрывов снарядов и мин. Должность политрука обязывала личным примером показывать, как следует громить врага.

Так случилось, что недолго до перехода в наступление дивизии враг предпринял контрудар в направлении Малгобека. Отражая эту атаку, получил ранение политрук Хатшуков. Санинструктор оказал ему первую помощь и поручил санитару доставить политрука в медсанбат. Там осмотрели рану и хотели отправить Эльмурзу Шировича в эвакогоспиталь. Но он наотрез отказался, понимая, что домой он скорее попадет с дивизией, нежели через эвакогоспиталь. И не ошибся. После лечения в медсанбате 317-й стрелковой дивизии и после освобождения от захватчиков родной республики получил политрук Э. Ш. Хатшуков краткосрочный отпуск домой. С ощущением радости и тревоги ехал в родную Кубу. К счастью, из родных и близких никто не пострадал в период оккупации.

А дивизия наступала уже на Кубани. 12 февраля 1943 года 761-й стрелковый полк вел наступление на

Э. Ш. Хатшуков

хутор Куйбышев. Браг отчаянно сопротивлялся. С отчаянием обреченных бросались в атаку фашистские автоматчики, стремясь сдержать наше наступление. Мороз сковал льдом Кирпильский лиман, по которому шла в атаку рота Х. М. Хутова. Воспользовавшись этим, противник бросил в бой танки. После первых же залпов их орудий цепи залегли. Погиб командир роты. Командование принял на себя его заместитель по политчасти Хутов. Он отвел часть роты к камышам, выдвинул бойцов с противотанковыми ружьями и приказал эвакуировать раненых. Но тут с фланга выскочил еще один танк и почти в упор расстрелял группу прикрытия. Когда на выручку пришли артиллеристы, старший лейтенант Хутов лежал в луже крови. Несколько осколков попало ему в бок, один осколок — в грудь, кисть правой руки, в которой он держал пистолет, была изуродована. Но он был жив. В госпитале перенес несколько операций. На правой руке осталось всего два пальца, остальные были ампутированы. Все осколки, кроме одного, удалось извлечь. Путь на фронт был заказан. Почти год лечился в госпитале. В родную Шалушку Хазут Машевич вернулся инвалидом, кавалером срдена Красной Звезды, медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги»...

Совсем недавно зашел у меня разговор с ответственным секретарем республиканской газеты «Ленинский путь» Назиром Алажевым о событиях минувшей войны, о Хазуте Хутове. Он с волнением вдруг сказал:

— А знаете, Хазута Хутова я отлично помню. Он в Шалушке жил по соседству с нами. После перенесенных ранений очень болел. От отца своего я получил задание обязательно рубить дрова для соседа. Знаю, что старший лейтенант Хазут Хутов умер от ран осенью 1944 года, так и не дождавшись Победы. Тот осколок, который в госпитале не могли извлечь, находился в области сердца.

В поисках родственников Эльмурзы Шировича Хатшукова побывал я в Кубе, и там выяснилось, что дочь Галина Эльмурзовна Шомахова живет в Нальчике, а внук заканчивает наш университет. К сожалению, документов о политруке Э. Ш. Хатшукове не сохранилось, но Галина Эльмурзовна вспомнила, что еще во время войны в газете «Социалистическая Кабардино-Балкарская» об отце была опубликована статья под названием «За родную Кабарду». Не надеясь на успех, я все же попытался разыскать эту статью. И нашел!

«...Вторично простился старший лейтенант Эльмурза Хатшуков с милой Кабардино-Балкарией, с родным селением Куба,— писал младший лейтенант А. Марков,— короткий отпуск после ранения кончился. Хатшуков возвратился в свое подразделение, крепко пожал руку героическому командиру Андрею Фоменко».

К тому времени в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 24 мая 1943 года «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет» произошла перестройка армейских партийных организаций. Согласно этому постановлению парторганизации стали создаваться не в полках, а в батальонах. Это способствовало более конкретному руководству коммунистами в низовых звеньях. Эльмурза Хатшуков стал парторгом батальона. Напряженные фронтовые будни парторга заполнены были до предела. С любовью относились бойцы к нему, охотно делались с ним задушевными мыслями, внимательно слушали его беседы.

«...И вот настал день жаркого боя. Зной жег кубанскую землю. Под ураганным огнем шли наши бойцы в атаку на вражеские траншеи. Коммунист наступал вместе с одним из стрелковых взводов. И когда выбыл из строя командир, он принял на себя командование. Бойцы уже ворвались во вражескую траншею, как вдруг стар-

ший лейтенант ощутил боль в ноге. «Ранен!» — мелькнула мысль. Но, превозмогая боль, он продолжал руководить боем. Немалый урон понесли немцы в этой схватке. На днях командование наградило старшего лейтенанта Хатшукова орденом Красной Звезды».

— На Кубани в районе хутора Красного и я был тяжело ранен,— вспоминал Магомед Карамашевич Эльчепаров,— и когда вернулся в дивизию после излечения в госпитале, мой земляк был парторгом 571-го стрелкового полка. Дивизия в то время воевала на Украине. Еще один боевой орден, орден Отечественной войны II степени, украсил грудь парторга. После войны мы с ним встречались. Почти год довелось ему после Победы находиться в Вене и выполнять ответственное задание по снабжению продовольствием столицы Австрии...

С 1946 года Эльмурза Ширович вернулся на партийную работу в родную республику, учился в межобластной партийной школе, избирался первым секретарем Баксанского и Советского райкомов партии.

Таковы судьбы трех политруков 317-й стрелковой дивизии.

В Кубанских плавнях

О том, что Зекерья Мирзабекович Мизиев служил и воевал заряжающим боевого расчета 7-й батареи 773-го артиллерийского полка 317-й стрелковой дивизии, было мне известно из третьей книги «Боевая слава Карабахо-Балкарии». Знал я, что живет он в Нижнем Чегеме. Но все недосуг было познакомиться. Надеялся на встречу с ним в сентябре 1982 года, когда собирались ветераны дивизии по случаю сорокалетия с момента ввода ее в бой на Курпских рубежах. Но он по состоянию здоровья не смог принять участие в этой встрече.

Поэтому вскоре после нее я поехал в Нижний Чегем. Без труда нашел дом ветерана войны. В селе каждый знает Мизиева. Рассказал ему о цели визита. Он с гордостью достал чудом сохранившийся металлический ящик от снарядов к 76-миллиметровой пушке, который бережно хранил почти сорок лет, и произнес:

— Этот артиллерийский ящик прошел со мной дорогами войны через Северный Кавказ, Украину, Венгрию, Австрию, Чехословакию и Китай. В нем храню все реликвии, связанные с войной. Он немой свидетель трудных фронтовых дорог.

Откровенно говоря, не ожидал я встретить через годы такой музейный экспонат дома у ветерана. А когда из ящика были извлечены документы, то стало ясно, что хозяин очень дорожит всем, что связано с памятью о тех грозных годах...

Воевать начал в 1941 году. После ранения попал в госпиталь, а оттуда в Дагестан, стал заряжающим. Первые бои под Заманкулом в сорок втором году запомнились беспокойством за родные места, которые оказались оккупированными врагом. В их батарее служило двое балкарцев: он и Локияев из Актопрака.

Конечно, Мизиев очень волновался, когда вновь ступил на землю Кабардино-Балкарии, изгоняя захватчиков. Но домой заглянуть не удалось. Прошли мимо, через Майский и Прохладненский районы. Преследовали войска противника в Ставропольских степях, брали Ти-

З. М. Мизиев

хорецкую, сражались за станицы и хутора на Кубани. Вышли к станице Гривенской. От нее наступали в плавни...

С целью отрезать пути отхода противнику из района Славянской на залад была создана ударная группа войск, в которую вошли 317-я и 351-я стрелковые дивизии и 10-й стрелковый корпус. Не ожидая подхода корпуса, 26 февраля 1943 года стрелковые дивизии перешли в наступление, которое велось по единственной полевой дороге Черноерковская — Свистельников. К исходу 27 февраля ударная группа, сломив сопротивление противника южнее Черноерковской, вышла к Свистельникову. Но постепенно темп продвижения наших частей стал замедляться. Дело в том, что наступление ударной группы не смог поддержать 10-й стрелковый корпус, который не сумел прибыть в район Черноерковской в назначенное время.

Воины 317-й и 351-й стрелковых дивизий вынуждены были под ударами вражеских войск, усиленных 30 танками и авиацией, отходить к плавням. В полном окружении, в тяжелых условиях местности бойцы и командиры мужественно сражались с превосходящими силами врага... Особенno трудно пришлось артиллеристам. Орудия ставились на прямую наводку для отражения танковых атак. К третьему марта в частях ударной группы кончились боеприпасы и продовольствие. Несмотря на героизм и мужество воинов, удерживать позиции они уже не могли. Было принято решение отвести войска через плавни. Артиллеристы получили приказ: уничтожить материальную часть и вместе со стрелковыми подразделениями выходить из окружения.

Хорошо помнит те события прохладненец Николай Дмитриевич Завода.

— Служил я в отделении разведки второй батареи 1-го дивизиона 773-го артполка,— рассказывал он при

А. Б. Ифраимов

встрече.— Когда комбат приказал взорвать орудия, снарядов уже не было. 3 марта воевали мы уже как пехотинцы. Недалеко от хутора Беликова немцы пытались отрезать нам пути отхода к Азовскому морю и пошли в контратаку. В том бою мина разорвалась рядом, и я не надеялся выйти из окружения. Но помогли боевые товарищи. Меня вынесли не только с поля боя, но и из окружения.

Приказом по 773-му артиллерийскому полку от 10 марта 1943 года медалью «За отвагу» награжден прохладненец заряжающий 2-й батареи Амурхан Хадзиумарович Дзабаев. Как

сказано в наградном листе, «4 марта 1943 года в уличных боях за хутор Беликов обеспечил бесперебойный огонь орудия прямой наводкой. Во время артдески орудийным расчетом уничтожено 75-мм орудие противника с его расчетом, подавлен огонь пулемета, разрушено 3 дома, где скрывались вражеские автоматчики. Во время отражения атаки противника уничтожено 25 фашистских автоматчиков. Отошел только по приказу».

За проявленное мужество в период боев ударной группы рядовой З. М. Мизиев награжден медалью «За отвагу». Спустя годы солдатским орденом Славы III степени награжден был его однополчанин Н. Д. Завода. В дивизионной газете «На штурм» рассказывалось о подвиге многих бойцов и командиров 317-й стрелковой дивизии. Одну из газет выслали матери Аарона Ифраимова

М. К. Куршунова

ной продукции базы Управления снабжения и сбыта при Совете Министров КБАССР Иван Федорович Поботин, вспоминая то время, рассказывал:

— Незадолго до наступления на хутор Свистельников я стал рядовым бойцом 761-го стрелкового полка. В окружении нас дважды преследовали танки. Практически ни одной ночи не спали, потому что к вечеру мороз сковывал льдом разлившуюся кругом воду. А днем нас атаковали бронетранспортеры, танки и самолеты противника. Жевали полусырую конину. Я вышел из окружения совершенно истощенным и больным. Лечился в госпитале. Из госпиталя получил назначение в другую часть...

В плавнях получил тяжелую контузию Тимофей Пет-

в Нальчик. В заметке рассказывалось о том, что ее сын спас жизнь группе бойцов из 571-го стрелкового полка, подбив два фашистских вездехода с автоматчиками и сумев захватить продукты у противника. Арон Борисович Ифраимов награжден орденом Славы III степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими боевыми наградами.

Почти неделю выходил из окружения пулеметчик 761-го стрелкового полка нальчанин Михаил Иванович Матиенко. Получив пулевое ранение в плечо, он чуть было не лишился руки в госпитале.

Начальник отдела текстильно-швейной и кожевенно-обув-

рович Аринин, боец первой роты третьего батальона 761-го стрелкового полка, ныне работник треста ресторанов и столовых в Нальчике, награжденный орденом «Знак Почета» в годы мирного труда.

Не только Аринин, Поботин и Завода после выхода из окружения выбыли из дивизии. Таких было много.

Тем удивительнее, что Зекерья Мирзабекович остался в своей батарее. Отсюда, от Кубанских плавней, ему предстояло пройти немало километров фронтовыми дорогами. И, как памятные вехи, хранятся в артиллерийском ящике благодарности Верховного Главнокомандующего. Первая из них адресована славным освободителям Таманского полуострова, в том числе и рядовому З. М. Мизиеву. Есть у него орден Красной Звезды за форсирование Южного Буга, есть благодарности за преодоление Карпат, за освобождение Ужгорода, за овладение Будапештом, Дьером, Мадьяроваром (Венгрия), Бруком (Австрия), Брно (Чехословакия). Есть медаль «За победу над Японией».

Историки подсчитали, что дивизия прошла с боями 2667 километров, а весь путь дивизии свыше 20 тысяч километров. И большую часть этого пути прошел в 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии рядовой Зекерья Мирзабекович Мизиев, колхозник из Нижнего Чегема.

В боях за Крымскую

В марте 1943 года по указанию Ставки Верховного Главнокомандования войска Северо-Кавказского фронта начали готовиться к новой наступательной операции. 317-я стрелковая дивизия была выведена в резерв на доформирование. Пополнение шло из освобожденных районов Ставропольского и Краснодарского краев. Но немало было и наших земляков.

В. А. Ивашин

Именно в то время нальчанка Мария Кузьминична Кюршунова стала телефонисткой 606-го стрелкового полка; терчанин Исмаил Мытыкович Ахметов из Госпиталя получил направление в роту связи 761-го стрелкового полка; командиром взвода прибыл из училища Александр Иванович Антонов; несколько человек вернулись из госпиталей.

30 марта дивизионная газета «На штурм» рассказывала: «...От гор Кабарды и Осетии до устья Кубани в жестоких боях с бесчеловечным врагом пронесли наши бойцы и коман-

диры свою боевую славу... Люди в красноармейских шинелях остановили врага у кавказских предгорий, а затем погнали его. Наши воины били немцев на Курпских высотах, выбивали их из горных селений, истребляли у берегов быстрой Кубани. Ни яростное сопротивление немецких вояк, ни вражеские пули и снаряды, ни непогода не могли остановить советских воинов».

В ходе подготовки войск Северо-Кавказского фронта к наступлению 317-я стрелковая дивизия из резерва была передана в 56-ю армию и 25 апреля 1943 года заняла рубеж для атаки в составе ударной группы в районе табакосовхоза. В этот период дивизию посетил Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

— Нас, нальчан, в 761-м стрелковом полку служило много,— рассказывал Андрей Николаевич Сабецкий.— До табакосовхоза дошли мои товарищи по восьмой школе Юрий Воробьев, Иван Солод. В пулеметной роте слу-

жил Владимир Ивашин. Да сейчас всех и вспомнить трудно. Я был командиром отделения 3-й роты первого батальона 761-го стрелкового полка. Когда ставилась боевая задача штурмом взять высоту, которая находилась метрах в пятидесяти за небольшой речушкой, у меня было такое ощущение, что мы ею завладеем очень быстро. На деле это оказалось не так просто...

29 апреля в 7 часов 40 минут после длившейся более полутора часов артиллерийской подготовки вместе с другими дивизиями ударной группы 56-й армии полки 317-й устремились в атаку. Передние цепи быстро достигли склонов высоты. Оставались считанные метры до вражеских траншей, когда враг обрушил на наступавших огонь артиллерии, началась массированная бомбёжка переднего края. Вражеские самолеты шли волнами. То пикирующие «юнкеры», то тяжелые бомбардировщики «хейнкели». Стоял сплошной гул, местами начал гореть лес на склоне высоты. Так в течение первого дня и не удалось нам прорвать оборону противника.

— Обидно, — вспоминал Владимир Александрович Ивашин, — но первый день наступления чуть не стал для меня вообще последним днем жизни. Здесь на склоне высоты, по которому наступала наша пулеметная рота, противник чуть ли не в упор открыл огонь из крупнокалиберных пулеметов. Мне и сейчас еще видятся следы трассирующих пуль. Не помню уже, как это случилось, но сразу свет померк от сильного удара в руку и в голову, и я потерял сознание. Очнулся, когда было темно. Меня тащили на плащпалатке через реку, которую мы перескочили утром...

Так в первый же день атаки выбыл из дивизии по ранению В. А. Ивашин. Ныне инвалид войны, кавалер ордена Славы III степени в меру сил своих трудится в дорожно-эксплуатационном участке города Нальчика.

В течение следующих двух дней бои приняли еще

Г. И. Захарченко

очередного боя я получил тяжелое ранение и надолго попал в госпиталь. В Прохладный вернулся через год, став инвалидом войны.

— К утру 3 мая,— продолжил воспоминания Андрей Николаевич Сабецкий,— наш полк штурмом овладел высотой и первым вышел к шоссейной дороге Крымская — Неберджаевская. Было совсем недалеко от Крымской. Где-то севернее станицы разгорался яростный бой. Видимо, наши войска обходили вражеский узел обороны. Радость прорыва была для меня омрачена гибелью моего боевого друга Ивана Солода. Воевали мы в одном батальоне. Налетели «юнкерсы», и осколком бомбы Иван был смертельно ранен...

4 мая станица Крымская была освобождена. В центре

более ожесточенный характер. Продвижению наших войск мешали многочисленные минные заграждения и огонь из опорных пунктов противника, расположенных в глубине его обороны. Сильные налеты совершила вражеская авиация на боевые порядки нашей артиллерии. Бывший связист 6-й батареи 773-го артполка Иван Сидорович Капленко рассказывал:

— Поддержать наступление пехоты эффективно мы не могли, потому что против нас враг обрушил огонь дальнобойной артиллерии и авиации. Стремясь удержать оборону, противник яростно контратаковал. 2 мая 1943 года во время

станицы состоялись похороны воинов, погибших в этих боях. Там похоронен и Иван Солод.

Многие бойцы и командиры, отличившиеся в боях под Крымской, удостоились орденов и медалей. Орденоносной Красной Звезды награжден был майчанин Иван Константинович Клевцов, ныне плотник Котляревского госплемптицезавода, медалью «За отвагу» — наводчик первой батареи 773-го артполка нальчанин Ефим Никитович Романенко. Орденами Красной Звезды были награждены разведчик 761-го стрелкового полка Юрий Воробьев и наводчик орудия 277-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона Григорий Чипец.

Весной и в начале лета 1943 года сводки Совинформбюро начинались с событий на Кубани и в районе Новороссийска. Именно здесь шли наиболее напряженные бои на всем фронте. И в них не раз проявляли образцы мужества и героизма сотни бойцов и командиров 317-й стрелковой дивизии.

На «Голубой линии»

Мое знакомство с Григорием Ивановичем Захарченко состоялось в Верхнем Акбаше во время встречи ветеранов дивизии, посвященной 40-летию памятных боев на Курских рубежах. Мне показалось, что приехал он с Черноморского побережья, столь смуглым от загара выглядело его лицо. На вопрос: не из Сочи ли завернулся он на встречу, Григорий Иванович улыбнулся:

— Да что вы! Сроду там не бывал. Загорел в родном колхозе «Победа». Хоть и полный пенсионер, но летом работаю. В этом году на колхозном озере рыбу разводил, вот и загорел...

Худощавый, невысокого роста, с таким спокойным и

веселым взглядом, мне он показался моложе остальных ветеранов из Прохладненского района. Но стоило с ним разговориться, как выяснилось, что в грозные военные годы ему довелось испить сполна чашу испытаний. Службу начал вместе с товарищами по призыву в 1942 году. Стал рядовым 9-й роты 3-го батальона 606-го стрелкового полка. Дошел до Кубани.

— Очень волновался, — вспоминал он, — когда входили мы в Прохладный. Беспокоила мысль: уцелели ли родные в оккупации? Со мной служил земляк — Виктор Данилов. Жили мы на одной улице. Домой шли вместе. Сначала зашли к нам, потом к нему. Оказалось, что все живы. Пригласили в гости комбата. Совсем не заметили, как время прошло. А ведь наш полк целых два дня стоял в Прохладном! Потом был долгий путь к Крымской. Всего насмотрелся. Тогда нам не говорили, какие планы решал фронт. Это уже потом разговор шел о прорыве «Голубой линии». Мы знали, что будем наступать на хутор Красный. Его видно было. Но взять хутор так и не удалось. Я имею в виду то время, когда мы на него наступали. Никто из нас и предполагать не мог, что эта оборонительная полоса врага на подступах к Таманскому полуострову окажется такой трудной...

Об этом, действительно, стало известно значительно позже. Гитлеровское командование, опасаясь успешного наступления наших войск, еще с января 1943 года в течение четырех с лишним месяцев строило несколько оборонительных рубежей, главным из которых являлась «Голубая линия». На центральном участке, где пришлось наступать полкам 317-й стрелковой дивизии, в середине холмистого плато в станице Молдаванской находился мощный узел обороны. Его прикрывали опорные пункты с двумя-тремя линиями сплошных траншей. Еще ближе к переднему краю на скатах высот размещались дзоты и доты. Вся эта система прикрывалась фронтальным ог-

нем артиллерии, а впереди находились проволочные заграждения и минные поля. Главная задача по прорыву на центральном участке «Голубой линии» возлагалась на 56-ю армию. По плану командования наступление должно было проводиться в двух направлениях в обход станицы Молдаванской. В северную ударную группу, которая наносила удар через хутор Самсоновский и село Русское, входила и 317-я стрелковая дивизия.

26 мая 1943 года после мощной артиллерийской подготовки и усиленной обработки переднего края противника штурмовой и бомбардировочной авиацией полки 317-й стрелковой дивизии вместе с другими частями ударной группы перешли в наступление.

— После такого удара, — рассказывал Захарченко, — я думал, что ни одного живого фашиста не осталось на переднем крае. Но когда мы поднялись в атаку, «ожили» огневые точки и сразу же появилась вражеская авиация. Несмотря на яростное сопротивление противника, в первой половине дня мы овладели первой и второй линиями обороны. Но чтобы лишить нас инициативы, немецкое командование бросило на наш небольшой участок большие силы авиации...

Как писал А. А. Гречко в книге «Битва за Кавказ»: «...На исходе дня противнику удалось нанести в течение 20 минут на узкий участок фронта удар с участием 600 бомбардировщиков».

Это, конечно, не могло не повлиять на развитие событий в дальнейшем. И хотя ударная группа завязала бои на окраине хутора Красного, на второй день обе стороны перешли в атаку одновременно. Разгорелся ожесточенный бой. Он еще не завершился, как пришел приказ: подразделениям 606-го полка выйти во второй эшелон. Выполнить этот приказ до наступления темноты практически было невозможно. Во время выхода из боя и получил Захарченко ранение. К счастью, для Григория

Ивановича оно оказалось легким. Вражеская пуля, лишь содрав кожу на голове, оглушила его.

Участником тех событий был и нальчанин Андрей Николаевич Сабецкий.

— Дня за два до наступления,— рассказывал он,— к нам на передний край пришли разведчики. Меня очень обрадовала встреча со своим школьным товарищем Юрий Воробьевым. Он вел себя уже как бывалый воин. Рассказывал о наиболее интересных случаях службы, об удачных вылазках в тыл противника, о мужестве, находчивости и ратных подвигах своих сослуживцев. Сообщил, что представлен ко второму ордену. Мы вспоминали общих друзей по Нальчику, условились о встрече после операции, а вскоре разведчики ушли на задание. Не думал я тогда, что эта встреча окажется последней. Когда, выполнив задание, разведчики возвращались, на переднем крае уже рассвело. На нейтральной полосе вражеский снайпер поймал на мушку моего друга. Похоронен он в Крымской...

А напряженные бои на земле и в воздухе на «Голубой линии» продолжались до 7 июня, пока по указанию Ставки Верховного Главнокомандования не были прекращены активные наступательные действия.

Григорий Иванович Захарченко лечился в дивизионном медсанбате и, как только позволили медики, снова вернулся в свой полк. В то время шли бои местного значения по совершенствованию обороны и улучшению позиций. В одном из боев получил он тяжелое ранение и надолго оказался в госпитале. Так до завершения операций на «Голубой линии» пришлось ему расстаться с 317-й стрелковой дивизией. После лечения в госпитале службу продолжал в 73-м отдельном батальоне связи, который обеспечивал связь с первым десантом в Крым, участвовал в изгнании немецко-фашистских захватчиков с Крымского полуострова, штурмовал Сапун-гору. За

ратную доблесть, проявленную в годы войны, грудь ветерана 317-й стрелковой дивизии украшают три боевых ордена: Отечественной войны II степени, Красной Звезды и Славы III степени.

Памятны бои в районе хутора Красный для многих наших земляков. Рядовым бойцом 606-го стрелкового полка дошел до него Петр Александрович Каськов. Когда 2 июня их рота поднималась в атаку, осколок вражеской мины раздробил ему левое бедро. В полевом госпитале хирурги уже намеревались ампутировать ногу. Но он очень просил не делать этого. После небольшого консилиума решено было удалить осколки и направить раненого в стационарный госпиталь. Конечно, на фронт уже попасть не удалось, но в родную Котляревку вернулся на ногах. Рабочие руки очень нужны были. Сел Петр Александрович на трактор и вот уже 40 лет трудится на колхозных нивах. Дважды награждался медалями ВДНХ СССР.

Отважно сражался при прорыве «Голубой линии» нальчанин Андрей Яковлевич Инотаев. В тех боях он был ранен и выбыл из 761-го стрелкового полка 317-й дивизии.

Первый салют

В середине июня 1943 года генерал-майор Н. А. Шварев получил назначение на должность начальника сухопутной группы войск на Малой земле под Новороссийском, а на его место — командира 317-й стрелковой дивизии — прибыл полковник Иван Федорович Ромашенко. Под его командованием дивизия, войдя в состав 22-го стрелкового корпуса, начала подготовку к последней наступательной операции на Северном Кавказе.

Активные действия на участке 56-й армии вновь начались в сентябре 1943 года. 16 сентября войска армии

прорвали центральный участок «Голубой линии» и овладели главными опорными узлами сопротивления противника — станицами Киевская, Молдаванская и Неберджаевская. Развивая наступление, 18 сентября 22-й стрелковый корпус вышел на подступы к станице Варениковской. Попытка с ходу овладеть этим важным узлом железной и шоссейных дорог успеха не имела. Требовалось срочно разведать выходы на фланг и в тыл обороны противника.

Одну из групп разведчиков от 317-й стрелковой дивизии возглавлял командир взвода конной разведки Хажмурза Хамидович Урчуков, до начала войны работавший заместителем председателя колхоза в Каменномостском. До прихода в дивизию он уже принимал участие в боях, был дважды ранен.

По небольшой заболоченной лощине повел Урчуков в обход боевого охранения врага разведчиков. У горевшей старой мельницы сохранился мост, а рядом, в густом кустарнике, можно было скрыть до взвода автоматчиков.

В ночь на 20 сентября разведчики провели в тыл противника наши подразделения, а утром началось наступление. В том бою Хажмурза Хамидович получил тяжелое ранение и выбыл в госпиталь.

Наши войска ворвались в Варениковскую, чёму немало способствовал удар автоматчиков, до наступления проникших во вражеский тыл.

К 26 сентября противник был отброшен за реку Старая Кубань. Используя значительное сокращение фронта, гитлеровцы на узком участке между Голубицкой, Красной Стрелой и Старотитаровской выставили пять пехотных дивизий с танками и артиллерией. Местность не позволяла нашему командованию развернуть наступление танковых и механизированных подразделений. Кругом лиманы и болота. Единственная полоска суши укреплена

и насыщена огневыми средствами так, что в лоб взять ее никак не представлялось возможным. Тогда и решено было сформировать несколько ударных групп из добровольцев, которые в ночное время должны были форсировать Старую Кубань, пройти через лиманы и ударить по противнику с тыла. Одну из таких групп возглавил заместитель командира 606-го стрелкового полка майор Мустафа Якубович Таушунаев.

Родился он в ауле Теберда в Карачаево-Черкесии. Решив посвятить себя армейской службе, он окончил Ульяновское военно-пехотное училище и стал кадровым военным. Позже прошел курсы усовершенствования командного состава и в 317-ю стрелковую дивизию прибыл в звании майора...

В ночь с первого на второе октября 1943 года группа Таушунаева, форсировав Старую Кубань, преодолев по грудь в воде лиман и плавки, совершила переход свыше трех километров в тыл противника и сосредоточилась на высоте за станицей и железнодорожной станцией Красная Стрела. По сигналу майора Таушунаева бойцы группы нанесли удар по опорному пункту, находящемуся на господствующей над станицей высотой, а затем ворвались в станицу. Удар был столь стремительным и ошеломляющим, что противник, потеряв больше двухсот солдат и офицеров, вынужден был спасаться бегством через лиман.

В боевой характеристике на заместителя командира 606-го стрелкового полка майора М. Я. Таушунаева, подписанной в те дни комдиром дивизии полковником И. Ф. Ромашенко, говорится: «За время пребывания в полку проявил большие организаторские способности по сплочению личного состава и обеспечению успешного выполнения боевых задач.

Заменив выбывшего по ранению командира полка, подполковника Графского, майор Таушунаев в прошедшем

ших боях за освобождение Кубани все боевые задачи командования выполнял успешно и в срок, личным боевым примером воодушевлял бойцов на выполнение поставленных задач. В бою решителен и смел. Пользуется заслуженным авторитетом среди личного состава полка. Занимаемой должности вполне соответствует...»

8 октября западнее Кучугур и Запорожской были разгромлены последние заслоны на подступах к Керченскому заливу.

В приказе командующего Северо-Кавказским фронтом говорилось: «Сегодня, 9 октября 1943 года, войска 56-й армии стремительной атакой сломили последнее сопротивление врага и к 7.00 утра вышли на берег Керченского пролива. Разрозненные остатки врага были отрезаны от переправы и истреблены...»

Последний этап битвы за Кавказ, начавшийся осенью прошлого года на Тереке, под Новороссийском, Туапсе, на перевалах Главного Кавказского хребта,— окончен. Ворота на Кавказ нагло закрылись для врагов нашей Родины. Отмечая славный боевой путь войск Северо-Кавказского фронта, поздравляю весь личный состав: солдат, сержантов, офицеров и генералов с одержанной победой».

В результате разгрома вражеской группировки на Таманском полуострове наша армия добилась победы, имевшей исключительно важное значение. В ходе завершившейся операции был окончательно ликвидирован оперативно важный плацдарм противника на Кубани, который обеспечивал ему оборону Крыма и возможность наступательных действий в сторону Кавказа.

В приказе Верховного Главнокомандующего от 9 октября 1943 года среди других частей и подразделений, которые отличились в боях за освобождение Таманского полуострова, был назван и 22-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора Сергацкова. В тот же

день в 22 часа Москва от имени Родины салютовала доблестным войскам и соединениям флота двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. Личный состав 317-й стрелковой дивизии за отличные боевые действия, как и других частей, участвовавших в этой операции, получил первую благодарность Верховного Главнокомандующего.

Первым салютом завершился первый год участия 317-й стрелковой дивизии в боевых операциях на Северном Кавказе. Как свидетельствуют данные Архива Министерства обороны СССР, за этот срок дивизия нанесла противнику следующий урон: уничтожила 17 380 солдат и офицеров, 81 танк, 88 орудий, 50 минометов; захватила 9 танков, 800 автомашин, 12 бронемашин и тягачей, 218 орудий, 103 миномета, 260 пулеметов, 8000 винтовок.

* * *

ДОРОГИ НАСТУПЛЕНИЯ

И снова бой

В середине ноября 1943 года резко изменилась обстановка на киевском направлении. Гитлеровскому командованию удалось сосредоточить здесь крупные силы и 15 ноября начать наступление в направлении Житомира и Киева. Ценой больших потерь врагу удалось 20 ноября вновь овладеть Житомиром и к 25 ноября продвинуться до 40 километров. Враг продолжал рваться к Киеву, до которого оставалось всего 60 километров. Тогда по указанию Ставки Верховного Главнокомандования было принято решение об усилении 1-го Украинского фронта стратегическими резервами, чтобы не только не допустить захвата гитлеровцами Киева, но и перейти в наступление и разгромить всю вражескую группировку.

С этой целью и перебрасывалась в состав 1-го Украинского фронта 18-я армия.

7 декабря первые эшелоны 317-й стрелковой дивизии, входившей в состав 22-го стрелкового корпуса, прибыли на станцию Дарница под Киевом, а уже на второй день в первом эшелоне полки дивизии заняли оборону на реке Здвиж у населенных пунктов Бабинцы и Калиновка.

Во время боев в середине декабря был смертельно ранен командир дивизии полковник И. Ф. Ромащенко. Похоронен он в столице Украины — там, где воздвигнут обелиск Славы и зажжен Вечный огонь.

Наш прорыв на Житомир начался 24 декабря 1943 года. Погода испортилась. Сначала моросил мелкий дождик. Потом повалил мокрый снег. Видимость исчезла. В 8 часов 15 минут началось артиллерийское наступление. Пятьдесят минут бушевал огненный смерч над позициями гитлеровцев. Удар артиллерии был столь сильным, что снег снова сменился дождем. К вечеру первого дня наступления полки и дивизии 22-го стрелкового корпуса продвинулись на 10—15 километров. Наступая из района Раивки, 317-я стрелковая дивизия в первый же день освободила села Киричанка и Харитоновка. На второй день наступления погода еще больше испортилась. Грунтовые дороги превратились в сплошные болота. Как и в первый день, невозможно было применить авиацию. Бездорожье затрудняло подвоз боеприпасов, продовольствия и горючего.

И все же, несмотря на возникшие трудности, наши войска двигались на запад. К утру 27 декабря части 22-го стрелкового корпуса вышли к реке Тетерев, на противоположном берегу которой находился город Коростышев. Внезапным ударом наши войска форсировали реку, а на следующий день жители Коростышева с радостью встречали советских солдат-освободителей.

Утром 31 декабря в Житомир с востока ворвались полки 129-й гвардейской стрелковой дивизии. Воины 317-й дивизии под командованием полковника Н. Т. Жердиенко, совершив обходный маневр, с юго-востока вошли в Житомир и к середине дня сражались уже в центре города. Бои носили чрезвычайно ожесточенный характер. Борьба велась за каждую улицу, за каждый дом.

1 января 1944 года Москва салютовала доблестным

войскам 1-го Украинского фронта, освободившим Житомир, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

После освобождения Житомира главные силы 18-й армии развернули наступление на Бердичев. На подступах к этому важному опорному пункту противника многие населенные пункты приходилось брать штурмом.

Чтобы задержать наше наступление, гитлеровское командование решило взорвать плотину на реке Гнилопять. Вода в районе города сильно поднялась. Все это затруднило форсирование реки. Под сильным огнем противника бойцы 761-го полка в двух местах форсировали реку и во взаимодействии с 571-м полком овладели селом Скрагалиевка. На подступах к селу Радянск противник предпринял несколько контратак, в которых участвовало 10 танков. На чистом поле для неокопавшихся солдат это представляло серьезную угрозу. Парторг роты сержант Ушаков, обращаясь к бойцам, сказал: «Товарищи! Ни шагу назад! Это наша советская земля, омытая кровью наших братьев, нам никто не простит отступления. Поклянемся умереть, но не пропустить врага!» Бойцы поклялись и сдержали свою клятву. Атака была отбита.

В боях за населенный пункт Фридриво героями показали себя артиллеристы 317-й дивизии. Парторг 571-го стрелкового полка капитан Э. Ш. Хатшуков в письме в редакцию «Социалистической Кабардино-Балкарии» писал: «Бесぽщадно уничтожает фрицев славный сын кабардинского народа артиллерист Туган Емкужев. Он — гроза для фашистов. В одном из боев Емкужев в упор расстреливал наседавшего противника и помог отразить вражескую контратаку. За этот бой он представлен к правительенной награде. Ранее Емкужев награжден медалью «За отвагу». Так сражался на украинской земле наш земляк».

Туган Цруевич Емкужев, командир орудия 773-го ар-

тиллерийского полка 317-й дивизии, прошел с боями от предгорий Кавказа до Карпат. Награжден орденом Славы III степени, медалью «За отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги». Ему хорошо памятны бои в районе Бердичева.

Героический подвиг совершил наводчик Диденко из батареи, в которой служил Т. Ц. Емкужев. Находясь в боевых порядках пехоты со своей пушкой, он стойко и бесстрашно громил фашистов. В бою был трижды ранен. Ему перебило осколком ногу, изранило лицо. Превозмогая боль, он с помощью подоспевшего пехотинца снова зарядил орудие и уничтожил станковый пулемет врага.

5 января после пятидневных ожесточенных боев Бердичев был освобожден. Так завершилась Житомирско-Бердичевская операция, в ходе которой личный состав дивизии показал хорошую выучку, боевое мастерство и массовый героизм. Достаточно сказать, что по сведениям политотдела 18-й армии в ходе этой операции в 317-й стрелковой дивизии из 157 молодых коммунистов 84 были награждены орденами и медалями.

На Южном Буге

Армейскую службу Василий Иванович Попович начал наводчиком в орудийном расчете старшего сержанта Дормоладова в 4-й батарее 2-го артдивизиона 773-го

Т. Ц. Емкужев

артиллерийского полка. Вместе с ним в батарее служили майчане Николай Сиднев, Петр Кулев и Михаил Семененко, на Украине к ним в расчет пришел Василий Чечель. Еще в дни переформирования дивизии прослыл Василий Попович одним из лучших наводчиков полка.

Когда осенью 1942 года прибыли на передний край и развернули батарею недалеко от населенного пункта Сагопши, в соседнем расчете по ранению выбыл командир орудия. На его место командир батареи Никитенко назначил Поповича. Так в должности командира орудия начал он свой боевой путь и прошел его от Терского хребта до Южного Буга...

Запомнились Поповичу трудные бои в Прикубанье и случай, который произошел с его расчетом под Гарбузовой балкой на лимане, который многие местные жители называли еще «Горьким».

Зима начала 1943 года выдалась с оттепелями, которые сменялись небольшими снегопадами и морозами. В то февральское туманное утро мороз прихватил льдом залитый водой Горький лиман. Но когда они выехали на лиман, небо прояснилось и появились вражеские самолеты. На льду укрыться было негде. Поэтому расчет бросился к камышам. Машина с орудием хорошая мишень. Летчики сделали заход и сбросили бомбы. Одна из них пробила лед рядом с орудием. На глазах у расчета пушка ушла под воду. Несмотря на артиллерийский обстрел, все бойцы орудийного расчета собрались вокруг попыньи.

— Откровенно говоря, — рассказывал при встрече Василий Иванович, — в первые минуты я не знал, что делать. И тут подносчик снарядов, такой невысокий парень, физически не очень крепкий, вдруг начал раздеваться. До сих пор не могу вспомнить его фамилию, но хорошо знаю, что он из Нальчика. Был февраль. Ноги намочить, и то мороз по коже. А тут голым в попынью?! Два раза

нырял, но трос зацепил. А на «студебеккере» у нас лебедка была. К нашей радости удалось вытащить орудие. Парня растерли спиртом, дали ему выпить почти весь наш неприкосновенный запас. И ничего. Даже насморка не было. Если он остался жив, то обязательно вспомнит этот случай...

Прикубанье, приазовские хутора и станицы — памятные места боев для личного состава 317-й стрелковой дивизии. Враг пытался контратаками приостановить наше наступление. Поэтому не раз ставились орудия артполка на прямую наводку. Тяжелый бой пришлось принять четвертой батарее на окраине станицы Гривенской.

— Под Гривенской, — вспоминал Василий Иванович Попович, — за нами охотились вражеские снайперы. Вода разлилась из Протоки. Окопчики были мелкие. Укрыться негде. Хорошо помню, как заряжающий Виктор Журавлев только охнул и уронил снаряд. Мы к нему. А у него на груди через шинель начало расползаться красное пятно. Оказали первую помощь. А я как запустил по этим снайперам пару бризантных снарядов, так по катышам, наверное, и прах их развеялся...

За успешные действия под Крымской весь расчет В. И. Поповича был награжден правительственными наградами. Орден Красной Звезды вручили командиру орудия...

В начале марта 1944 года началось наступление

В. И. Попович

войск 1-го Украинского фронта. 7 марта ударная группа 317-й стрелковой дивизии прорвала оборону врага у села Жеребки. К исходу второго дня наступления 606-й стрелковый полк под командованием майора М. С. Мисько подошел к северным окраинам Уланова, важному пункту на пути к Хмельнику. Ночью командир дивизии полковник Н. Т. Жердиенко приказал командиру 571-го стрелкового полка подполковнику Н. А. Карташкову ударом с юго-востока содействовать 606-му стрелковому полку в овладении этим населенным пунктом. Успешную атаку 571-го стрелкового полка обеспечила пулеметная рота лейтенанта Б. С. Егорова. Спасаясь от полного окружения и уничтожения, вражеские войска поспешно отступили из Уланова. Кавалер ордена Отечественной войны II степени и двух орденов Красной Звезды Борис Семенович Егоров до последних дней своей жизни проживал в Нальчике.

10 марта 1944 года дивизия вышла к Южному Бугу. На этом рубеже противник заранее подготовил мощный оборонительный вал с опорными пунктами: Александровка, Янполь, высоты 315,7 и 345,7. Усилив свою оборону врытыми в землю танками и самоходными орудиями, враг рассчитывал на длительную оборону важной магистрали Винница — Литин.

В ночь на 15 марта 761-й и 571-й стрелковые полки на подручных средствах (плоты, бревна, доски, двери от домов) форсировали реку в районе Широкой Гребли (7 километров юго-восточнее Хмельника) и штурмом овладели первой линией вражеских траншей, которые находились в 200—300 метрах от реки. Так был захвачен небольшой плацдарм для подготовки дальнейшего наступления. С утра фашисты обрушили на переправившиеся подразделения огонь из всех видов артиллерии и минометов. Но группа смельчаков под командованием Сергеенко героически удерживала плацдарм.

Ночью на плацдарм переправилась 4-я батарея 773-го артполка. Противник, перенеся весь огонь на переправу, разбил ее. Защитники плацдарма оказались без связи с командным пунктом дивизии. В этот критический момент телефонист полка Антон Андреевич Сидоров вызвался вплавь навести связь. Дважды за время форсирования Южного Буга вместе с катушкой переплыval отважный связист реку и едва не утонул. Но связь была установлена. За этот подвиг рядовой А. А. Сидоров был награжден орденом Красной Звезды. Нет уже в живых Антона Андреевича Сидорова. Сказались фронтовые раны. Последние годы жил он в Нальчике и не раз встречался с однополчанами.

Три дня шли ожесточенные бои по расширению плацдарма. В этих боях отличились автоматы капитана Изварина, бойцы первого батальона 761-го стрелкового полка капитана Толочки, артиллеристы четвертой батареи.

— Мне особенно запало в душу то особое братство,— рассказывал Попович,— которое царило среди воинов. Взять хотя бы наш взвод. Командиром был мордвин лейтенант Федоров, старшиной — украинец Музычко, в моем расчете — наводчик русский Сиднев, грузин Глубчидзе, тат Пинхасов, представители других национальностей. На третий день враг бросил 30 танков на защитников плацдарма. Мы стояли на прямой наводке,

Е. Г. Чумаченко

поэтому первыми приняли их удар. На батарее был сплошной ад. Многие погибли в том неравном бою. Леону Глубчидзе оторвало руку, недалеко от орудия окровавленный лежал Пинхасов, тяжелое ранение получила наш санинструктор Екатерина Гавриловна Чумаченко. Сейчас она живет в Баксане...

Во время очередной вражеской атаки получил тяжелое ранение и Попович.

Зашитники плацдарма на Южном Буге устояли. Отсюда главные силы дивизии, перейдя в наступление, 20 марта овладели важным опорным пунктом Литин и перерезали шоссейную дорогу Прокуроров — Винница.

А Василий Иванович Попович, выйдя из госпиталя, получил назначение в 374-й гвардейский самоходный тяжелый артиллерийский полк 4-й танковой армии. В бою под Львовом отличился, и еще один боевой орден — орден Отечественной войны I степени засиял у него на груди.

Вернувшись в город Майский, В. И. Попович почти двадцать лет работал на Котляревском госплемпице-заводе. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и золотой медалью ВДНХ СССР.

В настоящее время ветеран 317-й стрелковой дивизии трудится в Майской передвижной механизированной колонне Минводхоза нашей республики.

В Прикарпатье

В годы войны не каждому солдату, который возвращался на фронт после лечения в госпитале, удавалось вернуться в свой полк. Шофер Котляревского госплемпице-завода Василий Алексеевич Чечель считает, что в этом отношении ему просто повезло...

Во время наступления 317-й стрелковой дивизии на табакосовхоз (в районе Крымской) огневая позиция 3-й батареи 773-го артиллерийского полка, где он нес службу заряжающим, подверглась артиллерийскому и минометному обстрелу и яростной бомбардировке вражеской авиации. В первый же день боя по ранению выбыло несколько бойцов. В их числе и Чечель. К счастью, ранение в плечо и руку оказалось легким.

До июня 1943 года в железнодорожном госпитале сделали все возможное, чтобы боец стал в строй. Надеялся вернуться в свой полк, но его направили в Моздок в запасной стрелковый полк. Стал рядовой Чечель снайпером. А пока шла учеба, бои на Таманском полуострове завершились, и 317-я дивизия двигалась на Украину. В декабре выпускников снайперской школы тоже направили на фронт. Недалеко от Харькова на небольшой железнодорожной станции эшелон «застрял». Пропускали войска и технику, которые имели правоочередное право для движения. Делать было нечего, и Чечель пошел между составами к зданию вокзала. И только он перешагнул порог, как тут же нос к носу столкнулся со своим земляком Николаем Сидневым. Сначала оба опешили и даже потеряли дар речи. Не ожидали встретить друг друга. Потом, опомнившись, хлопнули друг друга по плечам, обменялись приветствиями, и пошли вопросы:

- Ты где служишь? — спросил Чечель.
- Как где? В нашем, 773-м артполку...
- А как наши хлопцы?
- Некоторые погибли, а Петр Кулев, Михаил Семененко и Василий Попович здесь, в эшелоне!
- Куда путь держите?
- Естественно, на фронт!
- А меня возьмете? — невольно вырвалось у Чечеля.

— Почему нет? Пошли к командиру дивизиона! — и Сиднев решительно повернул в сторону эшелона.

Капитан А. А. Воробьев, выяснив, что до ранения Чечель служил и вовсю в их 773-м артиллерийском полку, только в другом дивизионе, пообещал оказать содействие в его переводе в полк. Так Василий Чечель вновь оказался со своими боевыми товарищами.

— В нашем расчете, — рассказывал годы спустя Николай Дмитриевич Сиднев, — тогда не было заряжающего. Поэтому я уговорил комбата взять Василия к нам в расчет. Комбат согласился. Та случайная встреча с Чечелем в пути и то, что он оказался в одном со мной расчете, стали счастливыми для меня. Ведь я жизнью своей обязан Василию Чечелю.

Необычайно красивы весной предгорья Карпат в районе Коломыи. Но не до красот было в те апрельские дни сорок четвертого воинам 317-й дивизии, которая в составе 17-го гвардейского стрелкового корпуса вышла на плацдарм за рекой Прут. Противник стремился восстановить оборону по Днестру и удержать шоссейные и железные дороги, идущие из Закарпатья через Яблоницкий перевал на Делятин, Станислав и Львов.

С утра 26 апреля дивизии 17-го гвардейского корпуса атаковали противника в районе западнее Коломыи. В ходе боя успех выпал на долю полков 317-й дивизии, которые сумели не только улучшить свои рубежи, но и захватить 400 пленных из 1-й венгерской армии. Однако в те дни развить успех не удалось. Используя очень выгодный рельеф местности и заняв заранее подготовленные рубежи, противник приостановил наше наступление.

Об одном из эпизодов упорных боев в районе Рунгуры, Ключев Малый очень ярко рассказано в книге «Война и люди» генерал-лейтенанта Героя Советского

Союза Н. С. Демина, в ту пору начальника политотдела 17-го гвардейского стрелкового корпуса.

317-я стрелковая дивизия обороняла правый фланг корпуса. Первого мая в шесть часов утра по ее позициям враг нанес сильный огневой и авиационный удар. Затем последовала контратака. Два пехотных полка гитлеровцев, поддержаные танками, попытались сбить наши батальоны с занимаемых позиций, перерезать шоссейную дорогу. Более четырех часов продолжался бой. Дело доходило по рукопашных схваток.

После короткой передышки последовал новый удар. Только поздно ночью затихли выстрелы.

А в три часа утра второго мая после сильной артиллерийской подготовки противник вновь перешел в атаку при поддержке 20 танков. Основной удар был нанесен по боевым порядкам 606-го стрелкового полка. Бой продолжался несколько часов. Несмотря на то, что полки 317-й стрелковой дивизии были измотаны в предыдущих боях и понесли большие потери, они выдержали удар противника, первого мая отразили семь контратак, а второго — девять.

Противник на участке дивизии обладал значительным численным превосходством и занимал выгодные позиции на господствующих высотах.

Ближайшая задача дивизии определялась в то время попытками сбить противника с высот, господствующих над местностью, и улучшить позиции. В частности, 571-й полк получил задачу захватить высоту 709,6. Ее захват давал возможность держать под обстрелом дорогу, по которой гитлеровцы подбрасывали резервы. Ночной атакой батальон 571-го полка занял высоту. Едва рассвело, немцы пошли в контратаку. Когда первая контратака захлебнулась, они предприняли вторую, третью... Безрезультатно!

Тогда фашисты по лощине просочились в тыл и отрезали батальон от главных сил. Они сосредоточили вокруг высоты до полка пехоты с танками и артиллерией. Но батальон держался. Комсогр батальона Герой Советского Союза лейтенант Александр Яковлевич Перегудов с группой смельчаков ночью пробрался через гитлеровский заслон и к утру вернулся на высоту с боеприпасами. Их хватило еще на двое суток. С окруженным батальоном нарушилась связь. О положении дел на высоте судили по выстрелам. Стреляют — значит, держатся. К исходу третьих суток ударная группа из трех рот и взвода противотанковых ружей прорвалась на высоту. К этому времени в батальоне осталась в живых лишь треть личного состава. Героически погибли заместитель командира батальона старший лейтенант Стефан Ганзюк и Герой Советского Союза лейтенант Александр Перегудов.

Памятны те бои нашим землякам — нальчанину Арону Ифраимову и Прокофию Ломако из Прохладного. Оба служили в 571-м стрелковом полку и оба участвовали в боях по прорыву вражеского кольца вокруг высоты 709,6. Тогда же по ранению выбыл из дивизии Прокофий Степанович Ломако. Ныне живет и трудится он в городе Прохладном.

Старшиной полковой батареи 76-миллиметровых пушек 571-го стрелкового полка служил Яков Кузьмич Гавриков. С боями их батарея прошла от Верхнего Курпа до Прикарпатья. Во время отражения вражеского контрудара получил он тяжелое ранение и был отправлен в госпиталь. Ныне кавалер двух медалей «За отвагу» Я. К. Гавриков живет в городе Прохладном.

В огневом расчете четвертой батареи 773-го артполка служил Иван Павлович Попов. До призыва в армию работал он на станции Докшукино, был старше своих однополчан-земляков. На Украине коммунисты полка ока-

зали ему большое доверие и приняли И. П. Попова в члены ВКП(б). Своей службой и отношением к делу заслужил он уважение бойцов и командиров. До сих пор его однополчане вспоминают, как после тяжелого ранения Ивана Павловича в районе Коломыи почти вся батарея провожала его в госпиталь. Ратный подвиг И. П. Попова отмечен орденом Славы III степени. Будучи инвалидом второй группы, не мог сидеть дома ветеран войны и по сей день работает дежурным по железнодорожной станции Докшукино. Его труд в годы мира отмечен медалью «За трудовую доблесть» и Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР...

— Наша батарея,— вспоминал Василий Алексеевич Чечель, — находилась в боевых порядках пехоты. Мы отразили ночную атаку противника и надеялись на то, что он уже больше не попытается атаковать. Как вдруг часов в семь утра начался массированный артиллерийский и минометный налет. Мы спустились в укрытие. А когда выбрались из него, по склону прямо на нашу батарею шли три вражеских танка и два бронетранспортера. За ними короткими перебежками шли цепью автоматчики. Мы тут же открыли огонь. Но это только на мгновение вызвало замешательство в рядах атакующих. Потом они снова двинулись, обходя наши огневые позиции с флангов...

Противник большими силами начал наступление, оттеснив нашу пехоту. На переднем крае остались только артиллеристы. Связь с командованием полка прервалась. Командир батареи приказал Чечело добраться до штаба. Но выполнить этот приказ не удалось. В тылу батареи уже шел бой с прорвавшимися вражескими автоматчиками. Их орудие было разбито снарядом, командир взвода погиб, а Николай Сиднев с расчетом отстреливался из винтовки.

Только начали отходить, как вдруг осколком мины

в ногу ранило Сиднева. Передвигаться он не мог. Взвали Чечель на плечи товарища и пополз.

— Единственно, о чем просил его,— Василий Алексеевич Чечель улыбнулся и продолжил рассказ,— хоть немного помочь мне. Тяжелый все-таки был. Не помню уже как, но дотащил его. Потом пошел на выручку товарищам...

К тому времени обстановка изменилась. Один из полков дивизии с фланга ударили по противнику и заставил его прекратить наступление.

За мужество в боях под Коломыей В. А. Чечель награжден был орденом Красной Звезды. Осенью, когда дивизия преодолела Карпаты и вышла к Ужгороду, Василий Алексеевич снова получил ранение. Попал в госпиталь и на фронт уже не вернулся. Кончилась война.

Возвратился фронтовик в родные места. Двадцать шесть лет работает шофером на Котляревском госплемптице заводе коммунист Василий Алексеевич Чечель. Добрая слава идет о его трудовых делах. И всякий раз, встречаясь с ним, Николай Дмитриевич Сиднев невольно вспоминает тот майский день сорок четвертого года. Вспоминает, как в трудную минуту спас его от зерной смерти фронтовой друг.

Зенитчики

По штатам военного времени каждая стрелковая дивизия в числе других подразделений усиления в своем составе имела отдельную зенитно-артиллерийскую батарею. Значилась такая и в 317-й дивизии. Нас, человек двадцать нальчан, зачислили в состав батареи в августе 1942 года. Командовал ею в те дни капитан Петров. У нас на вооружении были крупнокалиберные зенитные пу-

леметы. Несколько позже батарею переименовали в отдельную зенитно-пулеметную роту.

В ноябре 1942 года, когда готовилось наступление на Верхний Курп, для усиления огневой мощи 606-го стрелкового полка из района Кусово зенитные пулеметы выносились в полосу обороны пехоты. Там прошла вновь сформированная батарея боевое крещение.

Для тех из нас, кто служил в батарее, счастливые минуты выпали в первые же дни наступления. Когда дивизия вошла в Прохладный, комбат разрешил всем нальчанам побывать дома. Для этой цели он даже предоставил машину и сам сопровождал нас. Из тех, кто тогда побывал в Нальчике, помню Григория Акульшина, Виктора Бежанова, Николая Василенко, Владимира Добровольского, Рафаила Ойстачера, Николая Павленко и Александра Чудягина. Невозможно передать словами, сколь трогательно и радостно прошли наши встречи с родными и знакомыми, ведь времененная оккупация Нальчика прервала всякую связь с теми, кто оставался в городе. А наш приезд в родной город состоялся вскоре после изгнания захватчиков.

От родных мест фронтовые дороги привели нас в Кубанские плавни, а затем под Крымскую. Там погиб Александр Чудягин. Эта утрата для нас была очень тяжелой. Если бы не война, возможно, стал бы Александр известным художником. Его способности отмечали еще в изо-

Р. Я. Оистачер

Н. А. Василенко

ученных бойцов из родственных подразделений стрелковых дивизий. Так, наша группа, в состав которой входили Виктор Бежанов, Николай Василенко, П. И. Крапивин, П. А. Окунь, Г. П. Хорсун, я и другие, была направлена для продолжения службы в отдельный зенитно-артиллерийский полк 56-й армии.

Совсем недавно, когда уже все материалы были обобщены, выяснилось, что мать Владимира Добровольского, моего школьного товарища и сослуживца, живет в Нальчике. Мы встретились. Антонина Федоровна вспомнила о том, как мы приезжали вскоре после освобождения города, показала бережно хранимые документы о сыне и поведала о том, что было ей известно о его судьбе.

Вместе со своим неразлучным другом Николаем Павленко служил он в пулеметном расчете батареи до окон-

чества Дворца пионеров. Он успел сделать несколько фронтовых эскизов, Вражеская пуля оборвала жизнь этого скромного юноши.

Долгие годы не располагал я сведениями о судьбах других батарейцев, так как в конце апреля 1943 года мне пришлось расстаться с 317-й дивизией. Тогда, на Кубани, противник применял массированные налеты авиации, чтобы воспрепятствовать продвижению наших наземных войск. Армейские зенитно-артиллерийские полки несли большие потери. Для пополнения их личным составом и отзывалась часть обу-

чания боевых операций на Таманском полуострове. Когда дивизию перебросили на Украину, их расчет был придан 606-му стрелковому полку. Обеспечивая успешное наступление полка на Житомир, 29 декабря 1943 года смертью храбрых пал в бою пулеметчик Владимир Борисович Добровольский. А спустя некоторое время, освобождая Правобережную Украину, погиб его одноклассник и боевой друг Николай Павленко.

Прошли годы. Поредели наши ветеранские ряды. Нет уже в живых Виктора Бежанова и Николая Василенко. Уехал из Нальчика П. И. Крапивин. До ухода на пенсию работал он главным бухгалтером колхоза в Кременчуг-Константиновке. После демобилизации из пограничных войск вернулся Г. И. Акульшин и стал работать гравировщиком на заводе «Севкавэлектроприбор». Имя его хорошо известно на предприятии.

Когда-то вместе с ним из 317-й дивизии в училище уходил Рафаил Ойстачер. После года учебы получил он назначение на должность командира огневого взвода противотанковой артиллерийской батареи 117-го гвардейского стрелкового полка 39-й гвардейской стрелковой дивизии. Отличился при форсировании Вислы. Награжден орденом Отечественной войны II степени. В январе 1945 года во время боев за Познань был тяжело ранен. После войны учился. Стал инженером. Многие годы работает Рафаил Яковлевич Ойстачер заместителем

В. И. Хорошилов

М. А. Козлов

дивизии, о мужестве и храбрости ее воинов, наших земляков.

— Назначение свое командиром зенитно-пулеметной роты,— вспоминал он,— я принял без особого энтузиазма. Думал, что заниматься будем только прикрытием с воздуха. А пришлось хлебнуть всего и даже отражать атаки пехоты и танков противника...

В личном деле подполковника запаса В. И. Хорошилова сохранилась характеристика, подписанная начальником штаба дивизии подполковником Н. Г. Малышко 1 ноября 1944 года: «...За время командования зенитно-пулеметной ротой зарекомендовал себя требовательным и дисциплинированным офицером. Добился высоких результатов в овладении личным составом материальной частью. Рота умело действует в боевой обстановке. Смел, решителен и внимателен. За короткий срок ротой

начальника строительного управления № 4 в Нальчике.

Я не стал бы подробно рассказывать о тех, кто служил в отдельной зенитно-пулеметной роте, если бы не одно обстоятельство. В Нальчике живут два ее командира: Василий Иванович Хорошилов и Михаил Артемович Козлов. Первый командовал ротой в период боев в Карпатах, второй — во время Будапештской операции.

Кавалер трех орденов Красной Звезды и многих медалей В. И. Хорошилов не раз выступал перед учащимися школ республики и трудящимися, рассказывая о славном пути

сбит вражеский самолет, отражены две атаки противника и оказана поддержка огнем наступающим подразделениям пехоты. Заботлив о подчиненных, пользуется заслуженным авторитетом».

Когда освободили Ужгород, стал Василий Иванович Хорошилов помощником начальника оперативного отдела штаба дивизии.

А в командование ротой вступил прибывший из госпиталя капитан Михаил Артемович Козлов. До прихода в нашу дивизию ему довелось участвовать во многих боях, в частности, в сражениях на Курской дуге.

— Самое памятное из тех событий,— рассказывал он,— когда начал воевать в 317-й дивизии, это битва за Будапешт. Представление о переднем крае и тылах во время штурма города было очень относительным. Памятен для меня Будапешт последним в войну ранением. Из госпиталя в действующую армию я уже не вернулся. Работал в военных комиссариатах, пока не ушел на пенсию.

Мне остается только добавить, что за ратные подвиги М. А. Козлов награжден двумя орденами Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и медалями.

Орден на Знамени

В сентябре 1944 года по приказу командующего 18-й армией 317-я стрелковая дивизия, совершив марш через города Сtryй, Дрогобыч и Старый Самбор, снова вошла в состав 18-го гвардейского корпуса и заняла исходный рубеж южнее населенного пункта Чарны, готовясь к штурму Карпатского хребта в районе Ужокского перевала. В Карпатах противник имел мощную и глубоко эшелонированную оборону.

— После госпиталя,— рассказывал Магомед Карапашевич Эльчепаров,— меня направили на должность командира учебной роты 571-го стрелкового полка. К этим обязанностям я приступил еще в Коломые. Там же состоялась встреча с Эльмурзой Хатшуковым. Он уезжал в военно-политическую академию на учебу и расставался с нашим полком. Хорошо помню, как готовились мы к наступлению в Карпатах. Сколько при рекогносцировках довелось ползать по каменным склонам. В полосе наступления нашего полка находилась высота, которую бойцы окрестили «Грушей». Чем-то форма ее напоминала плод груши. От этой высоты тянулся хребет, по склону которого проходила единственная дорога...

По замыслу командования до развития общего наступления полка необходимо было овладеть этой высотой. Для выполнения задачи из состава 571-го полка выделялся 2-й батальон под командованием майора Вишнякова.

На рассвете 21 сентября после короткой артподготовки внезапной атакой батальон захватил высоту и перерезал шоссейную дорогу — основной путь отступления немцев и венгров. Чтобы освободить дорогу, вражеское командование направило в тыл батальона роту штрафников. Командир 571-го стрелкового полка подполковник Н. А. Карташков в резерве имел только учебную роту. Он вызвал старшего лейтенанта М. К. Эльчепарова и приказал его роте выдвинуться на склон высоты и встретить противника. Вскоре на склоне разгорелся бой. С фанатизмом обречённых шли в атаку фашистские автоматчики. Дружным огнем встречали их бойцы роты Эльчепарова. Когда создалось критическое положение, ротный, оценив обстановку, направил для удара с фланга взвод лейтенанта Головина и поднял в атаку взвод офицера Разикова. Не устояли штрафники. Остатки их в панике побежали. Немецкий офицер с пистолетом в руке

пытался остановить бегство, но пулеметчик Иван Васюк меткой очередью скосил его. Бойцы же офицеров Сабинина и Панкратова, продолжая гнать врага дальше, снова вышли к шоссе и перехватили его. Путь отступления врагу был закрыт. А на рассвете 22 сентября бойцы майора Вишнякова вышли к реке Сан и овладели сильным узлом сопротивления противника местечком Лютовиска.

Высота «Груша» в системе обороны противника играла весьма важную роль, поэтому, не считаясь с потерями, враг бросил в бой все резервы, чтобы восстановить положение. В результате главные силы 571-го стрелкового полка оказались в окружении и несколько дней без продовольствия и боеприпасов отражали яростные атаки противника. Отразив 28 атак, полк вышел из окружения.

16 октября 1944 года после небольшой перегруппировки в районе 20 км северо-западнее Ужока ударная группа корпуса, в которую входила и 317-я стрелковая дивизия, преодолела проволочные заграждения и минные поля, выбила противника из ряда опорных пунктов, под проливным дождем обошла Ужокский перевал и преодолела Главный Карпатский хребет.

А через несколько дней, используя успех наших войск, 761-й стрелковый полк подполковника Ю. Г. Графского обходным маневром через перевал хребта Великий Рожнов в районе Бистрицы вышел на подступы к Черноголову. Смелые и решительные действия полка явились полной неожиданностью для противника. Боясь окружения, он начал отходить на юг, прикрываясь сильными арьергардами. Неотступно преследуя противника, 18-й гвардейский стрелковый корпус к исходу дня передовыми частями вышел к Перечину (25 км северо-восточнее Ужгорода). Войска устремились к Ужгороду.

Освобождение центра Закарпатской Украины явилось большой и важной победой. В честь нее Москва салютова-

вала войскам 4-го Украинского фронта 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

571-й стрелковый полк и 277-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион 317-й стрелковой дивизии получили почетные наименования Ужгородских, а соединение — удостоено ордена Красного Знамени.

В ходе боевых действий в Карпатах 317-я Краснознаменная стрелковая дивизия уничтожила более 6000 солдат и офицеров противника, 16 танков, 180 орудий, 240 пулеметов, 190 минометов. За это время захвачено 5900 пленных, 79 орудий, 127 минометов, 250 пулеметов и много другого военного имущества. 1300 бойцов и офицеров дивизии были награждены орденами и медалями. В их числе наши земляки — М. К. Эльчепаров орденом Отечественной войны II степени, А. И. Антонов орденом Красной Звезды, А. Б. Ифраимов орденом Славы III степени, З. М. Мизиев — орденом Красной Звезды и другие.

Каждый год в День Победы тысячи трудящихся Закарпатья приходят с венками и цветами на холм Славы, чтобы почтить память героев, отдавших жизнь за честь и свободу нашей Родины, за освобождение Закарпатской Украины от фашистского ига.

Парламентер

С Василием Андреевичем Коновко знаком я еще с давней поры. В сорок втором окончили школу. Я — первую, он — девятую. Вместе служили и воевали в 317-й стрелковой.

— Так случилось,— рассказывал он,— что именно мне из числа моих товарищей по школе суждено было дальше всех пройти фронтовыми дорогами в нашей дивизии. А вначале нас было много. Помню, что Сашу

Григорова зачислили в роту автоматчиков 761-го стрелкового полка. Толик Крапивин и Николай Титов служили в других подразделениях этого же полка. Со своими одноклассниками Виктором Бочаровым, Георгием Матусевичем и Виктором Сафоновым я попал в полковую батарею 76-миллиметровых пушек. Бочаров стал наводчиком, Матусевич — орудийным номером, Сафонов — разведчиком, а я — связистом...

Еще в школе Анатолию Крапивину пророчили большое будущее на поприще общественной деятельности. Он активно участвовал во всех начинаниях школьной комсомольской организации. Таким же неугомонным, всегда впереди, шел он и по тернистому фронтовому пути. В районе станицы Новоалександровской вражеская пуля оборвала жизнь славного юноши.

— Трудно теперь вспоминать о том, сколько горя принесла война, — Василий Андреевич умолк. Взгляд его стал задумчивым и суровым. — В феврале 1943 года на хуторе Куйбышев противник нас контратаковал танками. Бочаров и Матусевич бросились к орудию. Успели они сделать несколько выстрелов по танкам. Фашистский пулеметчик в упор расстрелял ребят. Так погибли Виктор Бочаров и Георгий Матусевич. Похоронили мы их часа через четыре, когда удалось снова выбить врага. В районе хутора Свистельникова меня ранило. Лечился я в Махачкале. На фронт вернулся, когда дивизия вела бои под Крымской. В свой полк уже не попал. Стал командиром отделения связи в полковой батарее 606-го стрелкового полка. С горечью узнал, что вражеский снайпер сразил моего друга Виктора Сафонова. Случилось это летом 1943 года...

Дальше были бои по освобождению Таманского полуострова, участие в Житомирско-Бердичевской операции. После ее завершения в феврале 1944 года коммунисты батареи оказали высокое доверие молодому сер-

В. А. Коновко

жанту, приняв его в партию. Тогда же В. А. Коновко был награжден медалью «За боевые заслуги». Позже фронтовые дороги привели его в Будапешт.

Во второй половине декабря 1944 года войска 2-го Украинского фронта перешли в наступление с целью овладеть восточной частью Будапешта.

— Над Будапештом стоял несмолкаемый гул боя,— вспоминал Василий Андреевич, восстанавливая в памяти детали тех событий.— Днем было темно от дыма. Ночью сполохи взрывов озаряли небо. С тяже-

lyми боями продвигалась наша дивизия в предместьях венгерской столицы...

Всю ночь и утром 29 декабря 1944 года громкоговорители, установленные на нашем переднем крае, передавали на немецком и венгерском языках ultimatum, подписанный командующими 2-м и 3-м Украинскими фронтами и обращенный к командованию окруженней вражеской группировки. В этом ultimatumе, во избежание совершенно ненужного кровопролития, а также в целях сохранения Будапешта, его населения, исторических ценностей, памятников культуры и искусства, противнику были предложены гуманные условия капитуляции. Немецким генералам, офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, были гарантированы жизнь и безопасность, а после войны беспрепятственное возвращение в Германию или в любую другую страну по их

усмотрению, венграм же — немедленный распуск по домам, раненым и больным — оказание медицинской помощи.

— Нас предупредили,— рассказывал В. А. Коновко,— что категорически запрещается вести огонь из любых видов оружия, пока не вернется парламентер от нашего фронта с ответом. Да разве ж к людям мы тогда обращались? Теперь все знают, что парламентером от 2-го Украинского фронта назначен был инструктор поллитотдела 317-й стрелковой дивизии капитан Миклош Штейнмец, венгр по национальности...

Отец Миклоша — Иштван, активный участник революционного движения в Венгрии, после падения Советской Республики в 1919 году, вынужден был эмигрировать в Советский Союз. Так Миклош обрел свою вторую родину. Летом 1936 года, когда вспыхнула гражданская война в Испании, он, не раздумывая, добровольно уехал туда, чтобы стать бойцом Интернациональной бригады и сражаться за свободу испанского народа. Известно, что Миклош Штейнмец был соратником и боевым другом легендарного героя войны в Испании Мате Залки.

Не все, конечно, знали маршрут движения машины с парламентерами. Но затишье на фронте заставило вести наблюдение с удесятеренным вниманием.

— Мы, конечно, были потрясены,— продолжал рассказывать В. А. Коновко,— когда открытый автомобиль с большим белым флагом проехал через Кишпешт мимо нашего переднего края. Но только он приблизился к траншеям противника, как раздались автоматные очереди. Мы выскочили из укрытий. На наших глазах автомобиль вспыхнул. Рядом с ним начали рваться мины. Так от рук фашистских извергов погиб советский парламентер Миклош Штейнмец. Командир орудия, не ожидая команды свыше, заставил нас немедленно открыть огонь по

противнику. С нами вместе и другие орудия обрушили огонь на позиции врага...

Василий Андреевич умолк под впечатлением нахлынувших воспоминаний. Ему довелось быть свидетелем события, которое вписано в летопись Великой Отечественной войны. Мне остается дополнить его рассказ лишь тем, что Миклоша Штейнмеца, посмертно награжденного орденом Отечественной войны I степени, с воинскими почестями похоронили на главной площади села Эчер, а в 1949 году останки перенесены на развязку шоссе, на то место, где он был вероломно убит. У могилы высятся величественный монумент.

После демобилизации с отличием окончил В. А. Коновалко исторический факультет Кабардино-Балкарского педагогического института. Работал консультантом и лектором отдела пропаганды Нальчикского горкома КПСС. С 1963 года преподает историю в Нальчикском политехническом техникуме, удостоен почетного звания «Заслуженный учитель школы КБАССР». Благодаря его большой организаторской работе в техникуме создан уголок боевой славы 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии. И среди экспонатов уголка особое место занимает студенческий реферат о парламентере-интернационалисте Миклоше Штейнмеце.

Память должна жить

В завокзальной части Нальчика на тихой улице имени Жуковского в окружении зеленью домике меня очень радушно встретила Раиса Ильинична Антонова. Но стоило мне только объяснить цель своего визита, как она сразу сникла, опустилась на стул, смахнула набежавшую слезу и произнесла:

— Вы знаете, многие годы не могу спокойно гово-

рить о войне. Не читаю о ней книг, не могу смотреть фильмы. Сердце не выдерживает...

После такого вступления мне стало неловко. Много лет прошло, а раны огненных лет все еще не зарубцевались. Хотелось извиниться за причиненную боль и уйти. Но хозяйка жестом предупредила мое желание, встала, вышла в соседнюю комнату и вскоре вернулась с небольшим свертком.

— Здесь все, что могла я сохранить,— разворачивая на столе принесенное, тихо произнесла Раиса Ильинична.

Я понял, что тем самым она приглашала меня ознакомиться с реликвиями, связанными с сыном, которые так бережно хранила все эти долгие годы после войны. И тут я впервые увидел ученические тетради, школьные рисунки, фотографии, фронтовые письма и наградные документы Александра Антонова...

В конце апреля 1943 года, когда шли упорные бои за станицу Крымскую, прибыл он на должность командира взвода в 761-й стрелковый полк 317-й стрелковой дивизии. Немало нальчан встретилось ему в полку. Но они уже прошли испытание на прочность в предыдущих боях. Саше Антонову предстояло свыкнуться с командирскими обязанностями в сложной обстановке ожесточенных сражений на «Голубой линии». Но ни слова о трудностях в письмах к матери: «...Выпустили нас всех младшими лейтенантами. Ввиду военного времени в училище проходили ускоренный курс. Теперь — в действующей армии. Здесь встретил знакомых по Нальчику. Скоро двинемся в наступление...»

Несмотря на то, что Александру не раз приходилось смотреть смерти в глаза, письма домой были спокойными, от них веяло уверенностью в нашей победе. В них очень ярко предстает весь путь молодого офицера.

«6 октября 1943 года. Скоро будем смотреть на

А. И. Антонов

ходе. И так каждый день: вперед, на Запад! Гоним захватчиков. Дела мои идут хорошо».

«24 мая 1944 года. И снова молчал не по своей вине. Воюем уже в Европе. Как хочется побывать дома, встретить вас, знакомых, взглянуть на любимый Нальчик».

«24 декабря 1944 года. Ты спрашиваешь, когда конец этой войне? Говорю с уверенностью, что война кончится, когда я буду в Берлине. А путь туда тем быстрее, чем больше этим желанием будет гореть каждый наш воин».

В Карпаты пришел Александр Антонов лейтенантом. Во время наступления дивизии на Ужгород 761-й стрелковый полк в районе Бистрицы, совершив обходной маневр, неожиданно для противника вышел к населенному пункту Черноголова (километрах в 30 от Ужгорода). Несмотря на усталость после длительного марша по горно-лесистой местности, взвод лейтенанта А. И. Антонова

море. Возможно, будем загорать. А фрица будем купать. И так купать, чтобы до конца дней своих не было у него желания купаться в чужом море. Сейчас небольшая передышка, а потом снова в бой. В бой на уничтожение врага на нашей святой Руси».

«13 декабря 1943 года. Пишу письмо с нового места, куда мы прибыли с родного, теперь далекого и горячо любимого Кавказа».

«17 января 1944 года. Простите за долгое молчание. От меня это не зависело. Представьте: день в бою, ночь в по-

первым ворвался в населенный пункт и завязал бой с вражеским гарнизоном. Появление наших войск в этом районе было полной неожиданностью для противника, и он начал отходить к Перечину.

За проявленную храбрость в тех боях лейтенант Антонов был награжден орденом Красной Звезды.

29 октября 1944 года началось наступление на Будапешт — одна из самых длительных и напряженных операций заключительного этапа войны. Будапешт был тщательно подготовлен к оборонительным боям. Восточная его часть, где в конце ноября наступала 317-я стрелковая дивизия, прикрывалась тремя подковообразными обводами. Каждый дом, занятый противником, был пре-вращен в крепость и, чтобы овладеть им, приходилось формировать небольшие штурмовые группы, учиться действовать разрозненно в уличных и межэтажных боях.

В начале января 1945 года была образована группа войск для расчленения вражеской обороны в Пеште на две части. Силы 18-го гвардейского стрелкового корпуса, куда входила 317-я стрелковая дивизия, 12 января наносили удар в направлении городского парка. Первый день наступления, несмотря на яростное сопротивление противника, цеплявшегося за каждый этаж здания, за каждый угол дома, прошел успешно.

На следующий день взвод Антонова продолжал наступать. Но вот письмо: «Здравствуйте, дорогая тетя Рая! Привет Вам из Венгрии! Пишет Вам друг и товарищ Саша — Николай Чернышев. Сообщаю печальную весть. Во время боев в городе Будапеште Саша тяжело ранен. Рядом разорвался снаряд. Осколки попали в голову, в живот и в ноги. Случилось это 13 января. До медсанбата он крепился и чувствовал себя хорошо. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Узнаю, напишу».

Но ранение оказалось столь серьезным, что спасти Сашу не представлялось возможным. 15 января 1945 го-

да двадцатилетний лейтенант Александр Иванович Антонов скончался от ран. Его похоронили в братской могиле в районе Кюбе в Будапеште. Приказом по 18-му гвардейскому стрелковому корпусу «...за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками» А. И. Антонов посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени.

Дорогой ценой завоевана победа. Свято хранят память о советском солдате-освободителе народы Европы. В Будапеште на горе Геллерт высится памятник Освобождения, воздвигнутый в ознаменование героического подвига воинов Советской Армии, освободивших Венгрию от фашизма. Одним из них был и наш земляк А. И. Антонов.

Солдат всегда солдат

В 1981 году группа туристов из Кабардино-Балкарии посетила Венгрию и Чехословакию. В ее составе находился заведующий хозяйством колхоза «Ленинская кузница» Прохладненского района Федор Яковлевич Бондарь.

Во время пребывания группы в Будапеште программы предусматривалась экскурсия на озеро Балатон. По пути к озеру, недалеко от города Секешфехервар, экскурсовод пригласил всех выйти из автобуса и повел рассказ о событиях, которые происходили в этих местах на заключительном этапе Великой Отечественной войны.

Федор Яковлевич вышел вместе со всеми. Огляделся. Место показалось ему очень знакомым. Неглубокая лощина, вдоль которой протянулось новое шоссе. Рядом полотно железной дороги. Небольшой мост. Здесь где-то должны были быть еще два винных погреба. Да вот они! Ему показалось, что вся группа слышит стук его

сердца. Ведь именно на этом месте 27 января 1945 года горел его танк. Он уже не слушал экскурсвода. Мысль невольно вернулась к тем дням...

Будапештская группировка врага ждала прорыва внешнего кольца окружения и надеялась на то, что удастся вырваться из окружения и вывести главные силы гарнизона. В ночь на 24 января немецко-фашистское командование силами около 150 танков и штурмовых орудий и свыше 70 бронетранспортеров с рубежа Кишвеленце и Фельшеш-Бешнье предприняло очередной удар по нашим войскам. Прорвав оборону, вражеские танки начали стремительно развивать наступление. 26 января они вышли в район, откуда до южной окраины Будапешта оставалось не более 25 километров.

В этой обстановке, следуя приказу командующего фронтом, наш 23-й танковый корпус был в спешном порядке переправлен на правый берег Дуная и получил задачу прикрыть с юга Будапешт на участке между Дунаем и озером Веленце. С честью справились советские танкисты с поставленной задачей, отразили сильнейший удар противника и нанесли ему огромный урон в танках. Но в результате ожесточенных боев 23-й танковый корпус также потерял десятки машин. И здесь, где остановилась экскурсия, вынужден был покинуть свой горящий танк Ф. Я. Бондарь в тот памятный день.

«А все же враг не прошел! — подумал Федор Яков-

Ф. Я. Бондарь

левич.— И мои однополчане по 317-й стрелковой дивизии даже не знали, что мы прикрыли их от танковой лавины гитлеровцев. Ведь главный удар вражеской группы нацелен был на южную и юго-восточную окраину Будапешта, где сражался 18-й гвардейский стрелковый корпус....»

Потом, когда войска штурмом овладели Будапештом, когда был опубликован приказ Верховного Главнокомандующего, с радостью отметил Бондарь, что их корпус и 317-я стрелковая дивизия одновременно получили почетное наименование — Будапештских...

И снова мысль вернулась к самым первым боям, в которых довелось ему принимать участие. В 277-й отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион 317-й дивизии из Ново-Полтавской их пришло трое: он, Николай Тягний и Иван Чередниченко.

— В Ново-Полтавку Чередниченко не вернулся,— рассказывал Федор Яковлевич при встрече.— Но все эти годы меня не покидала мысль, что он остался жив. И вот, лет пять тому назад, решил я проехать по местам боев под Верхним Курпом. Заглянул в Кусово. Все изменилось. Но где-то в памяти сохранилось воспоминание об этом хуторе. Обошел его, но нигде не нашел могилы с именем моего земляка. Оттуда проехал в Старый Батакоюрт. Там стоял штаб дивизии и размещался дивизионный медсанбат. В центре села увидел памятник. Подошел к нему. И среди имен нашел имя младшего сержанта Ивана Чередниченко. Значит война для него началась и закончилась на Курпских рубежах...

Мой собеседник умолк. Воспоминания унесли его к тем памятным и горестным дням первых боев. В дивизионе из земляков остался только Николай Тягний. Их связывала дружба еще по школе, в одном классе учились.

— Дошли до Крымской,— продолжал Федор Яков-

левич.— Летом сорок третьего во время бомбёжки меня тяжело контузило. Из госпиталя в 317-ю дивизию я уже не вернулся. Так что мой друг Тягний один остался в артдивизионе. Мне же потом пришлось воевать на Украине. Под Мелитополем был ранен. Лечился, потом учился в танковой школе. Стал командиром орудия в танковом экипаже. Странно было себя представлять сначала истребителем танков, а потом танкистом. В составе 23-го танкового корпуса освобождал Румынию, Венгрию и Австрию. Со своей дивизией встретился в Будапеште...

А его друг Николай Тягний за бои на «Голубой линии» был награжден медалью «За боевые заслуги», сражался на Правобережной Украине, дошел до Карпат.

14 октября 1944 года в одном из боев северо-западнее населенного пункта Ужок, совсем рядом с перевалом через Карпатский хребет, вражеская пуля оборвала жизнь Николая Никитовича Тягний. Надеется Федор Яковлевич побывать на местах, где принял последний бой его боевой друг...

В конце марта 1945 года 23-й танковый корпус и 317-я дивизия освобождали венгерский город Дьер, а в начале апреля наступали на австрийский город Брук.

Завязался бой в районе авиаасборочного завода, километрах в шести от Брука. Танк Бондаря шел на самом правом фланге и вдруг как будто споткнулся.

— Вроде никаких укрытий не было,— продолжал рас-

Н. Н. Тягний

В. И. Божко

сказчик,— а нашу машину подбило. Оказывается, из фаустпатрона ударили по танку фашист. Машина загорелась... Выбрались из танка. Рядом какая-то сторожка. Я туда заскочил. За ней несколько автомашин стоит, а впереди противотанковые пушки. В домике огляделся. За снарядным ящиком сидят шоферы и закусывают. Поздоровался с ними. Они жестом пригласили в компанию. Налили сто грамм. «Выпей, танкист, за то, что не скорел»,— произнес один из шоферов, взглянув внимательно на меня, а потом улыбнулся и радостно добавил: «Братцы! А

ведь этот танкист наш, дивизионный! Я его знаю. Мы вместе в плавнях барахтались. Друг, ты меня тогда от верной гибели спас». Присмотрелся. Точно! Уж очень приметное у него лицо. Так произошла встреча с однополчанами 317-й тогда уже Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии...

В других подразделениях дивизии несли службу еще трое новополтавчан. Один из них, Иван Петрович Дерновой, в четвертой батарее 773-го артиллерийского полка прошел фронтовыми дорогами от Верхнего Курпа до Китая. Корнильцем называли его бойцы и командиры. Нелегкие обязанности батарейного повара выполнял он на всем этом пути. Его родной брат — Василий — был заряжающим. Погиб в Карпатах.

В инженерно-саперном взводе 571-го стрелкового полка вплоть до освобождения Таманского полуострова

воевал Василий Иванович Божко. Неся нелегкую службу сапера, был ранен. Пока лечился в госпитале, дивизию передислоцировали на Украину. В дальнейшем воевал в составе 32-й гвардейской стрелковой дивизии. За мужество в борьбе с врагом награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу».

В Нальчике живет и трудится на заводе «Стройдеталь» Александр Григорьевич Чупрун — товарищ Божко по саперному взводу 571-го стрелкового полка. Получив тяжелое ранение под Молдаванской (в Прикубанье), он после долгого пребывания в госпитале был отчислен из армии.

Давно отгремели залпы войны. Мирным созидательным трудом заняты ветераны. Многие из них удостоены наград за труд. А на груди Федора Яковлевича Бондаря к двум медалям «За отвагу» прибавились орден «Знак Почета», золотая и серебряные медали ВДНХ СССР. И на трудовом фронте бывший солдат на переднем крае.

Последний залп

Для 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии война не закончилась в мае 1945 года. Вслед за другими соединениями 2-го Украинского фронта части дивизии в середине июня 1945 года погрузились в эшелон на станции Черчаны и отправились в дальний путь через всю нашу страну. 25 июля дивизия прибыла на станцию Байн-Тюмень в Монголии. Там в составе 49-го стрелкового корпуса 53-й армии Забайкальского фронта началась короткая подготовка к походу против Квантунской армии милитаристской Японии.

В соответствии с замыслом командования из района Мергын-Ула 9 августа 1945 года вместе с монгольскими кавалеристами 49-й стрелковый корпус вводился в на-

ступление вслед за 6-й гвардейской танковой армией.

В соответствии с приказом командующего фронтом из состава дивизии был сформирован подвижный отряд на базе 606-го стрелкового полка, который в 3 часа утра 9 августа пересек государственную границу и в составе ударной группы принимал участие в наступлении на города Мергынъ-Ула и Сумэ. После выполнения этой задачи с 13 августа отряд действовал в направлении Гулустай Ганча и продвинулся в глубь Маньчжурии до 150 километров.

Двигаться пришлось по труднопроходимой и почти безводной местности. Враг и предполагать не мог, что советские войска в этих тяжелейших условиях сумеют за неделю пройти сотни километров. Внезапность удара и неожиданность выхода войск Забайкальского фронта через Большой Хинганский хребет в центральные районы Маньчжурии — одна из славных страниц, которую вписали советские воины в историю второй мировой войны и разгром Квантунской армии.

— После выполнения отрядом поставленной задачи, — вспоминал спустя годы командир отделения связи 3-й батареи 773-го артиллерийского полка Петр Трофимович Жидков, — он присоединился к основным силам дивизии. Так что в Маньчжурии пропремели последние залпы нашей батареи. После демобилизации я вернулся в Майский и все эти годы тружусь в кормоцехе Котляревского госсплемптицезавода...

П. Т. Жидков, начав свой фронтовой путь от Терского хребта, прошёл дорогами наступления через Северный Кавказ, Украину, страны Юго-Восточной Европы, громил японских милитаристов в составе 317-й стрелковой дивизии; он награжден орденом Славы III степени, медалью «За боевые заслуги» и другими боевыми наградами.

Весь этот путь в составе 4-й батареи прошли наши

Слева направо: И. К. Клевцов, М. В. Семененко, П. Т. Жидков,
В. А. Чечель

земляки Иван Петрович Дерновой из Ново-Полтавской
и Михаил Васильевич Семененко из Майского, а в
7-й батарее — Зекерья Мирзабекович Мизиев из Ниж-
него Чегема...

И. М. Ахметов

Житель города Терек Исмаил Мытыкович Ахметов в составе 37-й армии освобождал нашу республику от гитлеровцев. На Кубани был ранен. Из Устьлабинского госпиталя получил назначение в роту связи 761-го стрелкового полка. За проявленное мужество в боях на «Голубой линии» награжден медалью «За отвагу», за бои на Украине — орденом Красной Звезды, а за бои в Венгрии — медалью «За боевые заслуги». В роте связи дошел Исмаил Мытыкович до Маньчжурии.

Второй связист — ныне слесарь по ремонту оборудования

Нальчикского машиностроительного завода Василий Николаевич Компанцов — начал армейскую службу на Кубани в 259-й отдельной роте связи 317-й стрелковой дивизии. Обеспечивал связь с 571-м стрелковым полком. Прошел через все бои, в которых участвовал полк, — до разгрома японских самураев. Награжден двумя медалями «За отвагу».

И еще, командир пулеметной роты 571-го стрелкового полка Борис Семенович Егоров. После ранения на Малой земле и лечения в госпитале прибыл в 317-ю стрелковую дивизию на Кубани. Орден Отечественной войны II степени и два ордена Красной Звезды за проявленное в боях мужество вручены ему в 317-й дивизии. Служил он в ней вплоть до расформирования в городе Ачинске Красноярского края, куда дивизия была выведена из Китая.

Сергей Кириллович Пушкарский с хутора Колдрасинского начал воевать рядовым бойцом 571-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии под Малгобеком.

— Хорошо помню, — вспоминал он, — как под Малгобеком был ранен Алексей Водогрецкий. Он потерял много крови, двигаться не мог. Я помогал его выносить с поля боя. Там с ним и расстался. Со мной в полку служили многие новоиановцы и ребята из близлежащих хуторов... В плавнях многие мои земляки выбыли из дивизии. Погиб Алексей Красильников. Я сам был ранен и оказался в эвакогоспитале в Армавире. Потом стал бойцом 41-й гвардейской танковой бригады 7-го механизированного корпуса...

В составе танковой бригады принимал Пушкарский участие в боях на Правобережной Украине, в Ясско-Кишиневской операции, в освобождении Румынии и Болгарии, Венгрии и Чехословакии, в разгроме японских милитаристов. Закончил войну он в порту Дальний. Вернулся в Колдрасинский кавалером ордена Красной Звезды и медали «За отвагу». Работал механизатором. Теперь — мелиоратор колхоза «Ленинцы».

Долгое время не удавалось найти других ветеранов, кто прошел весь славный путь дивизии, пока в Нальчикском политехническом техникуме не начали собирать материалы для уголка боевой славы.

Именно тогда и выяснилось, что Николай Сергеевич

Б. С. Егоров

Н. К. Оболонник

Астахов из Майского, Николай Васильевич Данько из Прохладного и два друга Николай Кириллович Оболонник и Владимир Иванович Токарев, как написал в учетной карточке Астахов, «участвовали во всех боях с 1942 года и до конца войны, в которых принимала участие наша дивизия, находясь безотлучно в 773-м артполку».

При встрече Николай Кириллович Оболонник долго удивлялся, что Жидков, который по праздникам гостит у него, в будни по телефону справляется о здоровье, ни адреса не сообщил, ни номера

телефона не дал. Только поэтому ему не удалось побывать ни на одной встрече ветеранов.

— А было так,— начал свои воспоминания Николай Кириллович.— В августе сорок второго года прибыли мы в 3-ю батарею 773-го артиллерийского полка. Вместе со мной в батарею пришли земляки: Николай Астахов — лучший наводчик, Владимир Токарев — второй номер, Василий Чечель — заряжающий, Григорий Окань — орудийный номер, Петр Жидков — командир отделения связи, Колубов и Дмитрий Семененко — связисты. Когда прибыли мы в Монголию, кто-то из ветеранов батареи подсчитал, что из ее состава с 1942 года осталось всего 8 человек. А из этих восьми — четверо из Кабардино-Балкарии...

Третья батарея вооружена была 122-мм гаубицами образца 1938 года. Но для успешного ведения стрельбы

требовались точные данные о целях. Поэтому важная роль отводилась артиллерийской разведке, которой большей частью приходилось находиться в боевых порядках пехоты. С первого дня службы в батарее и до конца войны нес нелегкую обязанность разведчика Николай Кириллович Оболонник. Не раз доводилось ему оказываться в довольно сложной обстановке, принимать самостоятельные решения в, казалось бы, безвыходных ситуациях. Дважды в Карпатах вместе с наступавшей пехотой попадал он во вражеское окружение, вызывал огонь на себя.

Н. В. Данько

— Под Крымской по ранению выбыл из батареи Василий Чечель, на Украине — Григорий Окань,— продолжал рассказ Николай Кириллович.— В Карпатах погиб связист Колубов и получил тяжелое ранение Дмитрий Семененко. Забыть Дмитрия не могу. Не раз он обеспечивал связь разведчиков с огневыми позициями. Не раз нам с ним угрожала смертельная опасность. Но он никогда не унывал. До конца дней своих жил и работая Семененко в Нальчике. Под Веной из нашего отделения погиб Попов, Астахов, Жидков, Токарев и я дошли до Китая... Самые тесные и дружеские связи поддерживал я с Владимиром Токаревым. Это был верный и надежный друг, храбрый солдат и честный человек, награжденный орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими наградами. Вражеские пули его миновали. Когда вернулись в Ка-

В. И. Токарев

ма он передал две фотографии и чудом сохранившееся письмо, которое посыпал в Прохладный еще из Трансильвании. На одном снимке — личный состав батареи после разгрома Квантунской армии, на втором — сержант Данько. На обороте надпись: «Славному ветерану батареи, кавалеру ордена Славы III степени и двух медалей «За отвагу» Николаю Данько в знак памяти о геройском пути нашей дивизии».

После войны Николай Васильевич многие годы работал на Прохладненском городском узле связи. Но фронтовые ранения и пережитые трудности сказалась на здоровье. Сейчас инвалид войны на заслуженном отдыхе.

Почти 30 лет работает на Майском автотранспортном предприятии Николай Сергеевич Астахов. За труд в годы мира награжден медалью «За трудовую доблесть»

Бардино-Балкарию, мы оба с ним пошли на службу в органы внутренних дел. Погиб мой друг, как солдат, погиб на боевом посту в мирное время. Он до конца боролся с теми, кто отравляет нашу жизнь...

Мой собеседник умолк. Воспоминания взволновали его. Память — не просто дань прошлому для тех, кто прошел войну, не раз глядел смерти в глаза, терял боевых друзей...

Командиром отделения разведки 6-й батареи 773-го артиллерийского полка от предгорий Кавказа до сопок Маньчжурии прошел Николай Васильевич Данько. Следопытам Нальчикского политехнику-

и удостоен почетного звания «Заслуженный автотранспортник КБАССР».

Мне довелось с ним встретиться в тот день, когда он работал на прокладке новой дороги к памятнику на Курских высотах.

— Вот как бывает,— рассказывал Николай Сергеевич,— ровно через 40 лет с того момента, как в этих местах прогремел первый выстрел нашего орудия, я снова оказался у начала боевого пути 317-й стрелковой дивизии. Нелегким был он к Победе. Обо всем и не вспомнишь. Часто по телевизору смотрю хронику военных лет. Однажды даже глазам своим не поверил. Увидел нашу гаубицу. В ту пору стояли мы на берегу Дуная. Недалеко пристань, какие-то склады. Все разрушено. А прямо против нашей огневой позиции, на том берегу, несколько больших зданий. Чуть в стороне «Дворец Хорти». Так мы его называли. Когда в кинохронике показали дом с застрявшим на крыше вражеским транспортным планером (окруженным тогда в Будапеште гитлеровцам снаряжение и продовольствие подбрасывалось на планерах), несколько раз в кадре появилась пушка, которая вела огонь по противнику. Это наше орудие и наш расчет! Ведь мы стояли прямо против этого дома...

Вспомнил Николай Сергеевич боевых друзей, вспомнил, как радостно встретили они весть о разгроме милитаристской Японии...

Свой вклад в победу на Дальнем Востоке внесла и 317-я Краснознаменная Будапештская стрелковая дивизия. Ветераны ее с гордостью носят памятный знак, на оборотной стороне которого обозначен весь боевой путь «Кавказ — Дон — Украина — Карпаты — Венгрия — Австрия — Чехословакия — Япония».

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5
НА КУРПСКИХ РУБЕЖАХ
Второе рождение 7
Первый бой 13
Враг не прошел 18
Разведка боем 21
Такое не забывается 26
Коммунисты, вперед! 34
В пятьсот семьдесят первом 40
Первые награды 45
Самое памятное 48
Артиллерийский наводчик 51
И пробил час... 54
ПЕРВЫЙ САЛЮТ
Сильнее смерти 59
Фамилия на обелиске 64
Герои живут рядом 67
Сообщение Совинформбюро 71
Гарбузовая балка 75
Встреча 79
Бой за хутор Лебеди 83
Политруки 88
В Кубанских плавнях 92
В боях за Крымскую 97
На «Голубой линии» 101
Первый салют 105
ДОРОГИ НАСТУПЛЕНИЯ
И снова бой 110
На Южном Буге 113
В Прикарпатье 118
Зенитчики 124
Орден на Знамени 129
Парламентер 132
Память должна жить 136
Солдат всегда солдат 140
Последний залп 145

Виталий Дмитриевич Лесев

ГЕРОИ — РЯДОМ

Редактор О. Л. Опрышко

Художник И. Г. Абрамов

Художественный редактор В. Л. Захохов

Технический редактор С. А. Мусукаева

Корректоры: В. А. Вымячкина, Л. И. Ким

ИБ № 1361

Сдано в набор 22.11.84. Подписано к печати 19.02.85. Ч00059. Формат 70×108¹/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура журнальная
рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,8. Усл. кр.-отт. 7,09.
Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 3500 экз. Заказ № 7872. Цена 35 коп.

Издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. им. адмирала Головко, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года

Госкомиздата КБАССР

Нальчик, проспект им. Ленина, 33

Лесов В. Д.

Л 537 Герои — рядом. — Нальчик : Эльбрус, 1985. —
156 с.

В пер.: 35 к. 3500 экз.

В книге рассказывается о боевом пути 317-й Краснознаменной Булгарской стрелковой дивизии и о сынах Кабардино-Балкарии, сражавшихся в ее составе.

Л 0505030202-014
М 125(03)-85

10-85

**ББК 63.3[2]722
9(с)27**